

ПЯТЬ НОВОНАЙДЕННЫХ ПИСЕМ Я. П. ПОЛОНСКОГО К ТУРГЕНЕВУ (1872–1873)¹

Публикация В. А. Лукиной

Из обширной переписки, которую на протяжении практически сорока лет (с разной степенью интенсивности) поддерживали Иван Сергеевич Тургенев и Яков Петрович Полонский, в большем объеме сохранилась именно тургеневская часть. Так, на 161 опубликованное письмо Тургенева приходится лишь 29 ответных писем Полонского. Пятнадцать из них были впервые напечатаны в восьмом выпуске сборника «Звенья», вышедшем в 1950 году.² Еще четырнадцать стали известны только после того, как в начале 1950-х годов значительная часть парижского архива Тургенева была приобретена Национальной библиотекой Франции. В 1964 году они были опубликованы во второй книге «тургеневского» тома «Литературного наследства», значительно обогатив наши представления об отношениях между корреспондентами, а также введя в научный оборот существенные сведения об их творческой деятельности.³ При этом, за редким исключением, сохранившиеся письма Полонского, как справедливо отметила их публикатор Э. А. Полоцкая, представляют лишь «отдельные, случайно уцелевшие части обширной

---

¹ Некоторые наблюдения над письмами Полонского вошли в нашу статью: Неизвестный отклик Я. П. Полонского на повесть Тургенева «Вешние воды» // Тургеневский ежегодник 2010 года / Сост. и ред. Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балыкова. Орел, 2011. С. 23–33.

² И. С. Тургенев. Переписка с Я. П. Полонским / Вступит. ст. и коммент. Г. П. Миролюбова // *Звенья*. Вып. 8. С. 152–261.

³ Письма Я. П. Полонского (1857–1873) / Публ. Э. А. Полоцкой // *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 195–248.

переписки».⁴ Данные сведения о сохранившейся части переписки Полонского и Тургенева зафиксированы и в посвященной Я. П. Полонскому статье биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917».⁵

Однако, как оказалось, эти сведения нуждаются в уточнении, поскольку в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции в Париже обнаружили новые письма Полонского к Тургеневу, ранее считавшиеся утраченными.* Они поступили в Национальную библиотеку в 1968 году в составе так называемого дара госпожи Марсель Мопуаль, внучки Полины Виардо, дочери Клоди и Жоржа Шамро.⁶ Переданные М. Мопуаль три коробки документов были впоследствии переплетены и составили семь томов, в один из которых (а именно в четвертый) попали «Письма, адресованные Тургеневу» (*NAF*. 16275). Среди них мы найдем письма к Тургеневу его французских друзей и знакомых — Альфонса Доде, Гюстава Флобера, Шарля Гуно, Ги де Мопассана, Проспера Мериме, Эмиля Золя, Полины и Луи Виардо и многих других.⁷ Замыкают этот раздел письма к Тургеневу русских корреспондентов, в их числе, например, опубликованные Н. П. Генераловой два письма А. А. Фета.⁸ Сюда же были помещены, как указано в описи, и шесть писем Полонского.

При ближайшем ознакомлении выяснилось, однако, что писем не шесть, а пять. По-видимому, ошибка вкралась в процессе брошюрования, в результате которого листы были разложены и переплетены не совсем верно. В итоге хронологическая последовательность оказалась нарушенной, а вторая часть письма за 10 января⁹ 1872 года была отделена от первой и фигурировала как отдельное письмо без даты. Как удалось установить, все новонайденные письма относятся к 1872 и 1873 годам.

---

⁴ Там же. С. 197.

⁵ *Русские писатели*. Т. 5. С. 55; статья Е. В. Ермиловой и А. З. Грешного.

* За указание на эти письма приношу глубокую благодарность Наталье Петровне Генераловой.

⁶ Небольшую биографическую заметку о М. Мопуаль (урожд. Шамро) см.: *Maupoil Robert*. Marcelle Maupoil (1879–1973). Notice biographique // *Cahiers*. N 4 (1980). P. 31. Здесь же воспроизведена ее фотография, сделанная около 1905 г. (P. 30).

⁷ Краткое описание этих материалов см.: *Ibid*. P. 32–34.

⁸ См.: *Deux lettres inédites de Tourguéniev à Fet / Publiées par N. Généralova // Cahiers*. N 16 (1992). P. 110–121; *Ауэр А. П., Генералова Н. П.* Письма А. А. Фета к И. С. Тургеневу // *Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета*. Курск, 1993. С. 328–338.

⁹ Здесь и далее, если не указано особо, даты даны по старому стилю.

Содержание их превзошло самые смелые ожидания. Достаточно сказать, что вскрылись новые обстоятельства участия Тургенева в сборнике «Складчина», для которого был написан рассказ «Живые мощи» (1874), а к единственному уцелевшему письму Полонского за 1872 год¹⁰ добавились еще два пространных письма, заслуживающие пристального внимания.

Первое и самое раннее из вновь найденных писем датировано 10 января 1872 года и написано под свежим впечатлением от прочтения тургеневской повести «Вешние воды», которая вышла в свет в первом номере «Вестника Европы» за тот же год. Еще в декабре 1871 года Тургенев общал Полонскому о скором выходе своей новой повести и выражал опасения, что его «пространственно рассказанная история о любви, в которой нет никакого ни социального, ни политического, ни современного намека», «едва ли понравится» читателю.¹¹ Опасения писателя были небезосновательны. Название нового произведения Тургенева стало широко известно в литературных кругах задолго до его появления в печати, сразу же после того как около 3 декабря рукопись поступила в распоряжение редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича. О том, какого рода ожидания название новой повести возбудило в читательской аудитории, свидетельствует, в частности, письмо Б. М. Маркевича к М. Н. Каткову от 5 декабря: «Кстати: Тургенев третьего дня прислал туда <в «Вестник Европы»> новое свое произведение „Вешние воды“. Раб Тургенева Павел Анненков, не читавший еще оного впрочем, глубокомысленно говорит, что оно должно произвести большую сенсацию, так как по заглавию следует понимать, что оно изображает первые моменты движения нынешнего царствования. Побачим!».¹² Возможно, именно эти «обманутые» ожидания читателей отчасти послужили причиной целой череды резко отрицательных откликов в периодической печати, обрушившихся на писателя в скором времени после выхода повести в свет. Разочарование — таков лейтмотив большинства статей и фельетонов, один за другим появлявшихся на протяжении января в обеих столицах.

---

¹⁰ См.: *Звенья*. С. 167–170. Здесь воспроизведен черновик письма, поскольку оригинал остается необнаруженным. Черновик не датирован, но, судя по ответному письму Тургенева от 2 (14) марта 1872 г., письмо Полонского было отправлено в конце февраля.

¹¹ *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 185. Письмо от 18 (30) декабря.

¹² Цит. по: *Громов В. А.* «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 303.

Первым во всеуслышание об этом заговорил В. П. Буренин, открывший 8 января свой регулярный обзор «Журналистика» в «Санкт-Петербургских ведомостях» многоговорящим подзаголовком: «Нечто о том, как публика ждала новую повесть г. Тургенева, и о самой повести „Вешние воды“». «Самая крупная литературная новость за наступивший год, — так начал он свою статью, — разумеется, повесть г. Тургенева „Вешние воды“. Об этой повести, еще до ее появления в печати, носились в обществе некоторые толки и даже слагались легенды. Многие почтенные и юные почитатели знаменитого автора возомнили, что в имеющемся появиться произведении г. Тургенев скажет некоторое „слово“ о последнем движении нашей жизни, изобразит какого-либо героя или героиню». По словам Буренина, «ожидания даже до того простирались, что некоторые начали поговаривать об окончательной устарелости типа Базарова и, подобно тем пустым сосудам, о которых говорит Потугин, заранее ластились к будущему роману г. Тургенева, в сладкой надежде, что из этого романа в их полную <полу? — В. Л.> внутренность изольется живая вода какого-нибудь нового *изма*. Иные из таких пустых сосудов даже трепетали от мысли, каким *измом* окрестит их г. Тургенев. Будет ли этот *изм* столь же выразителен и знаменателен, как нигилизм? Вострепещет ли мир от страха, услышав новый термин жизненного направления данной минуты? <...> Наконец, *изм* ли, полно, сочинит г. Тургенев для охарактеризования стремлений героев наших дней? Не ограничится ли он просто названием „легкомысленных младенцев“, подобно тому как г. Ф. Достоевский, в романе „Бесы“, ограничился титулом „угрюмых тупиц“?.. Словом, ожидания и предположения ввиду скорого появления нового произведения г. Тургенева были самые разнообразные и живые». Однако, отмечает критик далее, когда наконец 1 января в 8 часов утра повесть появилась, «все на нее жадно накинулись, проглотили ее за один прием и... разочаровались. Оказалось, что г. Тургенев не оправдал ни одного из вышеупомянутых предположений и ожиданий <...>».¹³

В схожем ключе о «Вешних водах» отозвались и другие издания. Так, 10 января анонимный автор (В. Г. Авсеенко) передовой статьи газеты «Русский мир» уже в первых строках вынес этому произведению писателя суровый приговор: «Новая повесть г. Тургенева „Вешние воды“ <...> ожидалась публикой, как известно, с большим нетерпением, чем его последние коротенькие рассказы. Узнав, что новому произведению автор дал довольно значительные размеры, многие рассчитывали встретить тенденциозную повесть из современной жизни, которая на-

---

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 8 января. № 8. С. 1.

помнила бы „Отцов и детей“ или „Дым“. Предававшиеся таким надеждам должны разочароваться». ¹⁴ О «неоправдавшихся» ожиданиях, вызванных в обществе названием повести, писал и рецензент газеты «Новое время». ¹⁵

В первых строках своего послания Полонский также спешит поделиться впечатлением, произведенным на него «Вешними водами». Он признается, что собирался и даже начал отвечать Тургеневу еще 4 января, но не окончил письма, поскольку не был удовлетворен отделкой своего нового стихотворения «Кляча и Пегас», которое он намеревался представить, как обычно, на взыскательный суд друга. Тем не менее далее он выписывает из этого, по всей видимости, несохранившегося письма фрагмент, посвященный «Вешним водам», прибавляя: «...потому что раз высказанное впечатление — в другой раз уже так не выскажешь».

Как видно из этой части письма, повесть произвела на Полонского сильное впечатление, заставив замирать «от восторга и боли» и пробудив дорогие его сердцу воспоминания о собственной молодости, о любви и о сватовстве к восемнадцатилетней красавице, ставшей вскоре его женой, — Е. В. Устюжской, с которой он познакомился во время своего пребывания в Париже летом 1858 года и на которой после скоропалительного романа 14 июля женился. «Вспомни, — признавался он, — что я когда-то в Париже прожил поэтически-очаровательные дни и ночи, когда был женихом дочери русского дьячка — моей покойной жены Елены Васильевны <...>». Представление о том, как «стихийно» и стремительно, в романтических традициях, развивалось чувство Полонского к его будущей первой жене, дают «длинные» письма поэта к Л. П. Шелгуновой и М. Ф. Штакеншнейдер (большая их часть остается неопубликованными). ¹⁶ Содержание одного из них дочь последней, Е. А. Штакеншнейдер, 14 июня 1858 года записала в своем дневнике: «Три недели тому назад <...> встретился он в первый раз с девушкой, которая сразу его очаровала, и очаровала, можно даже сказать,

---

¹⁴ Русский мир. 1872. 10 января. № 8. С. 1. Статья помечена 9 января.

¹⁵ М—ов. Литературное обозрение // *НВр*. 1872. 8 января. № 7. С. 2.

¹⁶ Следует отметить, что эпистолярный Полонского еще ждет своего исследователя. Из обширного массива сохранившейся переписки поэта в настоящее время опубликованы разрозненно и фрагментарно лишь небольшие ее части, причем гораздо лучше представлены письма корреспондентов Полонского, нежели его собственные. В этом отношении можно горячо приветствовать появление подготовленной Т. Г. Динесман и М. Г. Трепалиной переписки Полонского с А. А. Фетом, вышедшей недавно в одном из очередных томов «Литературного наследства» (Т. 103. Кн. 1. С. 555–986).

Е. В. и Я. П. Полонские. Фотография. 1858 г. (ИРЛИ)

раньше, чем он ее разглядел, одним уж голосом своим, проговорив по-русски: „Все, что вам будет угодно“».¹⁷

Как следует из дальнейшего изложения письма, встретив Е. В. Устюжскую в доме у Е. В. Шеншиной (урожд. Дегай) и пробыв некоторое время в ее обществе, Полонский был столь «обворожен» этой «пленительной девушкой», что в тот же день написал своему приятелю письмо, в котором «излил волновавшие его чувства, намерения и надежды». Это письмо было передано родителям девушки, которые потребовали от поэта не посвящать свою дочь в намерения Полонского, но пригласили «бывать у них, с целью узнать его ближе, и чтоб он их узнал».¹⁸

---

¹⁷ Штакенинейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / Ред., ст. и коммент. И. Н. Розанова. М.; Л., 1934. С. 218. Далее — Штакенинейдер.

¹⁸ Там же. С. 218–219. См. также: Тхоржевский С. Высокая лестница. Портреты пером. Повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском. М., 1986, где приведены фрагменты из других писем Полонского к М. Ф. Штакенинейдер.

Смятение, неуверенность перед будущим и глубину чувств, обуревавших в то время поэта, в полной мере передает одно из его писем к Л. П. Шелгуновой, датированное июнем 1858 года: «Если Богу угодно, чтобы я женился, пусть будет, что будет. — Недаром вдруг нашла на меня такая решимость, которой отроду не доставало при обстановке более благоприятной и при более счастливых случайностях. Быть может, все к лучшему». И далее: «Вы меня теперь спросите — влюблен ли я? Чувство, которое я испытываю теперь, совсем не то, которое я испытывал, когда влюблялся, и, вероятно, это оттого происходит, что я начал с того, что сам не знаю почему задумал жениться. Я этим до такой степени сам себя озадачил, что все, что есть в страсти слепого и безрассудного, все меня покинуло. — Я жажду понять ее, даже ищу, нет ли в ней недостатков, и, право, нашел бы их, если бы они были. Роковая встреча с нею и вообще все это дело, мною начатое, подняли со дна души моей все, что чуть не с детства покоилось в ней. Все хорошие и дурные стороны моего характера, все выступили наружу, и я борюсь то со своим самолюбием, то с испугом за будущее, то с невольной боязнью взять на свою ответственность новое для меня существование, не имея под ногами у себя прочной почвы. За все такие колебания я называю себя Подколесиним, упрекаю себя в такой трусости <...> я переживаю трудное для меня время: отступить я не могу, мне хочется видеть ее каждую минуту, потому что, глядя на нее, я ничего не боюсь, силы мои вырастают — в ее спокойствии душа моя почерпает покой, страх за будущее кажется ребяческим и меня недостойным».¹⁹ Менее чем через два месяца после первой встречи у Шеншиных состоялась свадьба Полонского и Е. В. Устюжской в русской посольской церкви, которая до 1861 года располагалась в особняке на rue de Verri.

Возвращаясь к публикуемому письму Полонского, следует отметить, что далее он сообщает некоторые любопытные подробности из своей жизни в Одессе, куда он отправился осенью 1844 года, по совету своего близкого студенческого друга И. А. Уманца, не дождавшись даже аттестата об окончании университета. Так, он упоминает об «одной несчастной страсти», «красавице, тоже с итальянским типом лица», встречи с которой нередко происходили в книжном магазине К. О. Тотти и из-за которой он, по собственному признанию, «с отчаянья уехал на Кавказ». Вряд ли, конечно, неразделенная любовь стала единственной причиной, побудившей Полонского летом 1846 года переехать в Тифлис, где он получил должность помощника редактора газеты «Закавказский вест-

---

¹⁹ Из переписки Я. П. Полонского // Русская земля. 1904. 3 января. № 3. С. 2–3.

ник»,²⁰ однако, возможно, она стала той самой последней каплей, которая побудила его оставить Одессу.

В подтверждение успеха «Вешних вод» среди читателей Полонский приводит мнение своего приятеля Шатковского, который, как он пишет, «тоже от твоей повести чуть с ума не сошел». На этом выписка из письма от 4 января заканчивается, однако далее Полонский сообщает дополнительные сведения о впечатлении, произведенном новой повестью Тургенева на общих друзей и знакомых.

Появление «Вешних вод», ожидавшееся, как уже говорилось выше, с большим нетерпением, вызвало оживленные толки в самых разных кругах. Показательно, например, свидетельство Б. М. Маркевича, который в письме к М. Н. Каткову от 11 января 1872 года сообщал, что его разговор с Александром II на большом бале в Зимнем дворце начался «с новой повести Тургенева».²¹ О жгучем интересе публики к «Вешним водам» одновременно с Полонским Тургеневу сообщал и П. В. Анненков, также подметивший расхождение в оценках простых читателей и критиков: «...повесть Ваша имеет большой, даже восторженный успех в публике, который не отражается в литературе, где все толкуют, что в ней нет никакого вопроса».²² Интерес был настолько сильным, что М. М. Стасюлевич вскоре принял решение о напечатании дополнительного тиража январской книжки «Вестника Европы».²³ Как явствует

---

²⁰ Так, еще 10 января 1844 г., сообщая Н. М. Орлову о назначении князя М. С. Воронцова наместником на Кавказе, Полонский писал: «Вся Одесса в волнении — все здешнее народонаселение двинется за ним, как за коновожатым. Одесса опустеет — и вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу» (Письма Я. П. Полонского к Н. М. Орлову // Новые Пропилеи / Под ред. М. О. Гершензона. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 66).

²¹ Цит. по: *Громов В. А.* «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева. С. 304.

²² *Анненков. Письма.* Кн. 1. С. 192.

²³ См. письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 14 (26) февраля 1872 г.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 214. Показательна также зарисовка, которой некий анонимный автор «Русского мира», скрывшийся за псевдонимом «Z. Z. Z.», предваряет изложение своих впечатлений от новой повести Тургенева: «Говорят, что один почтенный петербургский книгопродавец, когда его спрашивают: вышла ли книжка „Вестника Европы“? — считает даже излишним отвечать на такой вопрос изустно и только показывает вопрошающему указательный палец. Сия остроумная пантомима толкуется различно: одни догадываются, что она означает не более, как первое число месяца, всегда и неотвратимо знаменующее выходом „Вестника Европы“; другие же предполагают в поднятом указательном персте значение такого рода, что, дескать, журнал г. Стасюлевича есть единица, прочие же его собратья только

из дальнейшего изложения Полонского, повесть действительно никого не оставила равнодушным. При этом он отмечает «резкую противоположность в суждениях».²⁴

Особого интереса заслуживает упоминание о визите супруги Б. М. Маркевича, состоявшемся, по всей видимости, 7 января 1872 года. «В прошлую пятницу, — сообщает Полонский, — была у нас мадам Маркевич — она сказывала, что муж ее читал твою повесть вслух — и в восторге — говорит, что после тебя за перо взяться совестно». А 10 января во втором номере «Гражданина» за подписью «М.» появилась в высшей степени положительная рецензия самого Маркевича, в начале которой он прямо заявил: «С самого начала своей литературной деятельности и по сей день <...> ничего более художественного не создавал еще г. Тургенев!».²⁵ «Вешние воды», по его мнению, «в силу своей художественной правды, своей беспощадной объективности и какой-то скульптурной рельефности», представляют «один из самых блестящих этюдов человеческого сердца, какие когда-либо выливались из человеческого пера».²⁶

нули». «Получив „Вестник Европы“, — продолжает автор фельетона, — немедленно уединился с ним в кабинете и принялся читать... разумеется, „Вешние воды“ г. Тургенева». Далее следует отклик (отрицательный) на «Вешние воды», который, как кажется, до сих пор не попадал в поле зрения тургеноведов (Z. Z. Z. Наблюдения и заметки. На этот раз совершенно мечтательного содержания // Русский мир. 1872. 16 января. № 14. С. 1).

²⁴ Своими впечатлениями от повести поделились также А. Ф. Писемский (не сохр.), С. К. Брюлова (не сохр.), Г. Н. Вырубов (BN, указано Н. П. Генераловой) и кн. А. А. Трубецкая, которой Тургенев — получивший к тому времени также письма Анненкова и Полонского — ответил 19 (31) января 1872 г.: «Все, что вы говорите мне — восхитительно, любезная княгиня — и я не ожидал столько похвал! Русская публика, кажется, достаточно оценила мою безделицу, — но критика по большей части сурова: меня находят недостаточно серьезным, — им бы хотелось, чтобы я занимался политикой, чтобы я затрагивал общественные вопросы; может быть, критика и права» (ПССиП(2). Письма. С. 204. Подлинник по-франц.). Проникновенным письмом откликнулся также Н. В. Ханьков 9 февраля 1872 г.: «Очень Вам благодарен, Иван Сергеевич, за Ваш милый подарок. Вешние воды сладко оросили мое сердце. Не знаю, возможен ли психологически Санин, но обе женщины Ваши очень удались!». Далее Ханьков подробно остановился на некоторых персонажах. Так, Джемма, по его словам, «настоящая фотография, но то, что называют *photographie artistique* <художественной фотографией — франц.>». «Чего со мною давно не случалось, — продолжал Ханьков, — я Вас прочел два раза кряду и только в двух местах несколько запнулся на выражениях <...>» (BN. Slave 81. F. 102; за сообщение содержания этого письма благодарю Н. П. Генералову).

²⁵ М-Маркевич Б. М.> Вешние воды. Соч. Тургенева («Вестник Европы», № 1) // Гражданин. 1872. № 2. 10 января. С. 66; раздел: «Критика и библиография».

²⁶ Там же.

Как видно, более всего Маркевич оценил и «с горячею и тем большею радостью» приветствовал «художественность» нового произведения Тургенева, отсутствие в нем «задней мысли», «притязания на решение какого-либо „настоятельного“, „современного“, „животрепещущего“ вопроса».

Еще раз подчеркнем, что именно отсутствие «современного намека», «начинки» — изначально и вызывало опасения писателя за судьбу своего детища, а впоследствии ставилось ему в упрек большинством критиков.²⁷ Хотя рецензия в «Гражданине» была едва ли не единственным благожелательным откликом на «Вешние воды» в печати (в целом же, как справедливо отметила Л. В. Крестова, «в отличие от читателей, критика встретила „Вешние воды“ недоброжелательно»²⁸), вряд ли ее появление особо обрадовало писателя. «Здесь нет ни малейшего „гражданского мотива“, — писал Маркевич, — ни вздора об этих не отыскавшихся „новых людях“, ни тени хотя бы потугинского, болезненного и бесплодного, самого отрицательного смеха, — и слава Богу! Живописец *русский*, живописец по преимуществу, скидывает с себя на этот раз не всегда в пору сидевшие на нем ризы, — и предстает пред нами только живописцем. И каким живописцем!..».²⁹

Восхищение Маркевича было, как кажется, искренним. Оно сквозит и в его письме к М. Н. Каткову от 14 января 1872 года, в котором он высказал искреннее огорчение в связи с появлением в «Московских ведомостях» желчной статьи Л. Н. Антропова о «Вешних водах». По мнению Маркевича, появление этого глумливого и несправедливого отзыва могло быть только на руку «здесьним „реалистам“», компрометируя газету, которую он считал «единственно серьезным у нас органом».³⁰ «...Со времен „Дворянского гнезда“, — настаивает Маркевич, — ни одна вещь Тургенева не имела такого *retentissement* <отзвука — *франц.*>, какое имеют „Вешние воды“ (по крайней мере здесь), а кроме того, с объективно художественной точки зрения, *ни одно* из его произведений не было так искусно скомпоновано, как это <...>».³¹

---

²⁷ Об этом Тургенев писал, например, 13 (25) января 1872 г. П. В. Анненкову: ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 200.

²⁸ Там же. Соч. Т. 8. С. 508. Неодобрение повесть вызвала, как ни странно, и у критиков либеральной прессы, например, «Санкт-Петербургских ведомостей» (см. об этом примеч. 14 к письму 1).

²⁹ Гражданин. 1872. № 2. 10 января. С. 67.

³⁰ Громов В. А. «Вешние воды». Статья и письмо Б. М. Маркевича о повести Тургенева. С. 304.

³¹ Там же.

Вместе с тем, с удовлетворением подчеркнув в своей статье, что «творец Базарова», успел, по-видимому, убедиться в «совершенно тщетном у нас искании „новых людей“», Маркевич не преминул уколоть активных защитников последних в лице Е. И. Утина, сотрудничавшего в «Вестнике Европы». Он ядовито заметил, что мнение Тургенева вряд ли разделит «некий господин Евг<ений> Утин, „новый“ lumen mundi <светоч мира — *лат.*>, открывший недавно и объявивший нам самым радикальным манером в том же „Вестнике Европы“, в котором печатает свои произведения г. Тургенев, и в то же самое время, когда печатался там „Обрыв“ г. Гончарова, что песенка Тургенева и Гончарова давно спета и что им следует, откланявшись публике, давным-давно переросшей-де их „своим развитием“, отретироваться за кулисы, чтобы не мешать на общественной сцене реальным отправлениям „новых людей“, „новой школы“, школы „подлиповцев“, Сысоек и Афросек все того же г. Решетникова <...>».³²

Примечательно, что, хотя мнение самого Е. И. Утина о «Вешних водах» нам неизвестно, в целом общий характер его был, по всей видимости, подмечен Маркевичем верно. Это подтверждается и публикуемым письмом Полонского: в нем он передает Тургеневу содержание своего разговора с Утиным, с которым накануне случайно встретился в Михайловском театре: «Ну что повесть? — Это последний современный вопрос. — Утин негодует на избитость сюжета, на то, что лица, выведенные тобой, не новы — но отдает справедливость блестящему художественному изложению рассказа».

Еще одно нелицеприятное мнение о «Вешних водах» было высказано на очередной «пятнице» Полонского сотрудником уже упоминавшейся петербургской газеты «Русский мир», которого сам Полонский обозначил как «некий г. О—ко — пишущий фельетоны в „Русском мире“». Не вызывает сомнения, что речь идет о В. Г. Авсеенко, печатавшем в 1871–1875 годах в этой газете практически еженедельно свои «Очерки текущей литературы». Кроме того, Авсеенко под различными криптонимами (совместно с Н. С. Лесковым или чередуясь с ним) активно участвовал в составлении еженедельного внутреннего обозрения.³³ «Он — изумил меня, — сообщал Полонский, — говорит, что отроду ничего хуже твоей повести он не читывал — что ты напомнил ему Марлинского, — что таких женщин, как Полозова, никогда отроду не существовало и не существует».

---

³² Гражданин. 1872. № 2. 10 января. С. 67.

³³ См.: *Русские писатели*. Т. 1. С. 21.

Переданный Полонским отзыв в целом перекликается с оценкой, которую Авсеенко дал «Вешним водам» в своем очередном фельетоне, фактически отказав повести Тургенева в «самостоятельном художественном значении».³⁴ Еще ранее, в номере за 10 января, он представил «Вешние воды» «невинным анекдотом», «хорошо и пространно рассказанным „случаем“», саркастически заметив при этом: «„Случай“ хорошо рассказан, но это еще не значит, чтобы самый „случай“ представлял какой-нибудь интерес или значение. Напротив, он так нелюбопытен, построен на таких ветхих и избитых основах, что сравнительно с ним известная история лейтенанта Ергунова может назваться образцом анекдотической фабулы».³⁵ В героях повести Авсеенко увидел лишь «ряд карикатур, гипербол и наивностей» (сделав исключение для Джеммы), причем особому осуждению подверглись образы супругов Полозовых. Говоря о личности Полозова, критик упрекнул Тургенева, в первую очередь, в предвзятости и необъективности. Изображение ее, по его словам, потребовало «от автора много злости для того, чтобы вопреки намерению сделать ее смешною и дурацкою, — выйти нисколько не смешною, а только отвратительною». Однако еще большее возмущение Авсеенко вызвал образ самой Полозовой. «Если постановка Полозова поражает карикатурностью, — с негодованием отмечал он, — то Марья Николаевна, как она задумана автором, должна поставить читателя в тупик наивностью замысла». Его последующие слова звучат дерзкой и обидной отповедью маститому писателю и дают наглядное представление о том, в каком ключе он высказался об образе Полозовой на «пятнице» у Полонского.³⁶

Разумеется, письмо Полонского не исчерпывается приведенными выше сведениями об откликах на «Вешние воды», оно содержит и другие чрезвычайно любопытные подробности. В нем, например, он трогательно рассказывает о семействе своей покойной жены, просит Тургенева съездить к ним, познакомиться с тремя ее сестрами — Юлией, Елизаветой и Марией — и даже посылает письмо на имя их отца —

---

³⁴ А. О. <Авсеенко В. Г.> Очерки текущей литературы. Еще по поводу «Вешних вод» г. Тургенева // Русский мир. 1872. 22 января. № 20. С. 1.

³⁵ Русский мир. 1872. 10 января. № 8. С. 1.

³⁶ Приведем лишь небольшой отрывок: «Неужели г. Тургенев думает, что в понятиях русской женщины одержать победу над мужчиной значит не получить от него отказа на предложение жены Пентефриевой? Таких женщин представляют себе очень наивные и неопытные мальчики; люди же взрослые очень хорошо знают, что согласие мужчины на материальную связь едва ли в глазах самой глупой женщины послужит доказательством одержанной победы» (Там же).

Карикатура на «Вешние воды» в приложении к журналу «Маляр» (1872).
Первая страница

Часу во второмъ ночи, Дмитрій Павловичъ, вернувшись изъ клуба съ ужаснѣйшей тоской и пустотой въ сердцѣ (вѣроятно изъ клуба художниковъ), съ отчаяніемъ бросился на диванъ, съ одной надеждой на храноичикаго...

Но сонъ бѣжалъ отъ прекрасныхъ глазъ Дмитрія Павловича, и онъ отъ скуки началъ перебирать женскія записки, между которыми нашелъ гранатовый крестикъ и, какъ старый гриншисъ, отскочилъ отъ него съ ужасомъ, вспоминая давно-прошедшее... Вотъ что вспомнилъ Дмитрій Павловичъ... Вотъ что Дмитрій Павловичъ вспомнилъ:

Лѣтомъ, въ 1840 году, во Франкфуртѣ, онъ, Дмитрій Павловичъ, въ кондитерской теръ или чистилъ саложными щетками, хорошенько не помнитъ, мальчуга, и что за это въ него влюбилась сестра этого мальчуга, очаровательная итальянка!..

Имя ей Джемма (на итальянскомъ языкѣ значить драгоцѣнный камень), носъ у нее былъ нѣсколько великъ, но красиваго ладъ...

Она была стройна, какъ ии одна пальма въ мірѣ... У ней есть женихъ, торговецъ изъ под-Апрексина во Франкфуртѣ.

Дмитрій Павловичъ, Джемма и ея женихъ изъ Пожевой лѣны отпразднели обѣдать за городъ въ трактирѣ, и за обѣдомъ, одинъ вѣмечай офицеръ, осмѣлился вымѣть за здоровье Джеммы кружку пива, чѣмъ и оскорбилъ ее. Дмитрій Павловичъ, будучи рыцаремъ ея сердца, вызвалъ его на дуэль!

В. К. Устюжского.³⁷ «Я до сих пор не прекратил с ними сношений — считаю их милым семейством, — признавался Полонский, — они меня любят и, назовись ты им другом моим — будешь принят с любовью». Надо отметить, что знакомство Тургенева с Устюжскими в скором времени действительно состоялось.

Второе новонайденное письмо было послано вдогонку первому. «О твоей повести толки еще не умолкают», — сообщал в нем Полонский. Хотя письмо не датировано, можно предположить, что оно было написано не ранее 13 января. Об этом свидетельствует упоминание Полонского о присланной ему накануне М. Л. Златковским вырезки из «Московских ведомостей» со статьей Л. Н. Антропова о «Вешних водах». «Статья, — как справедливо отмечает Полонский, — сильно враждебная — и резкая». Подводя итог оценкам, прозвучавшим в прессе, Полонский заключает: «Вообще бранят тебя за то, что ты не вывел еще на сцену ни одного русского мужчину с характером — и доказывают это тем, что якобы в самом себе ты не находишь мужественной силы, а стало быть, и не веришь ей». «Увы! — сетует он, — художественная сила твоего таланта будет ценима только нами, последними могиками <...>». Все это заставляет Полонского задуматься о новом поколении, которое пришло на смену людям «сороковых годов». И сравнение это приводит его к неутешительным выводам.

Следует ли говорить о том, что отзыв Полонского не мог не порадовать Тургенева, всегда сомневавшегося в успехе своих новых произведений, а приведенные в письмах отклики читателей были для него драгоценным свидетельством не угасшего на родине интереса к его сочинениям. Даже последняя фраза из письма Полонского о современных типах в русской жизни, которые один Тургенев мог бы достойно изобразить, звучит как будто пророчеством о последнем романе писателя — «Новь», который будет завершен им несколько лет спустя.

Публикуемые письма Полонского к Тургеневу содержат ценные сведения, позволяющие восполнить творческую деятельность обоих корреспондентов. Что касается Тургенева, то прежде всего интерес представляют приводимые Полонским отклики (собственный и других лиц) на повесть «Вешние воды», а также данная им общая оценка творчества Тургенева, которая сложилась в литературных кругах к началу 1870-х годов.

---

³⁷ Отметим, что ранее его отчество — Кузьмич — оставалось неизвестным составителям указателей к соответствующим томам Писем Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Гораздо больше новых сведений содержится о творчестве самого Полонского 1871–1873 годов. Полонский делится с Тургеневым своими творческими замыслами и сомнениями, отсылает на его суд новые стихотворения и поэмы. Все это обогащает наши представления о творческой истории ряда поэтических произведений («Утес», «Мими», «Келиот»), позволяет уточнить некоторые датировки и глубже проникнуть в авторский замысел, а также воссоздает характер работы Полонского. Особого интереса заслуживает письмо, в котором Полонский объясняет свое обращение к жанру поэмы. Любопытны также сведения, которые мы узнаем об истории публикации поэтического сборника Полонского «Сноп» (1871). Немаловажным открытием является посланная в письме к Тургеневу ранняя редакция стихотворения «Утес», содержащая существенную авторскую правку. Стихотворение было впоследствии серьезно переработано поэтом, что придает обнаруженной редакции еще большую ценность.

Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в Bibliothèque Nationale de France (Paris): NAF. 16275. F. 419–433, в основном с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1

10 (22) января 1872 года. Петербург

10 января 1872.

С. Петербург.
Обуховский проспект,
дом Шольца, кв. № 6.

Драгоценный друг Иван Сергеевич,

Я уже писал к тебе 4 января, но не послал к тебе моего письма, потому что оно затерялось у меня на столе — и потому что я раздумал посылать к тебе одно стихотворение, под заглавием «*Кляча и пегас*». — (Когда отделаю лучше, тогда пошлю.)¹

Но из этого письма выписываю начало, — потому что раз высказанное впечатление — в другой раз уже так не выскажешь: вот это начало:

«Вчера читал я твою повесть² и читал, замирая от восторга и боли. — Пусть говорят, что она пуста;³ но каждая страница этой волшебной пустоты врезалась в моей памяти и врезалась навсегда. Читая повесть твою, переживал я лучшие мои годы — весенние воды мои как бы на

время оттаяли и унесли меня. — Я сам был способен влюбиться именно так, как влюбился твой нелепый Санин — (ибо я был так же нелеп до последней степени). — Вспомни, что я когда-то в Париже прожил поэтически-очаровательные дни и ночи, когда был женихом дочери русского дьячка — моей покойной жены Елены Васильевны,⁴ с тою только разницей, что мне уже было за тридцать⁵ — и что я к барышням, подобным Полозовой, никогда не чувствовал никакого влечения, — да и сам был не настолько взрачен или красив, чтоб мог останавливать на себе их внимание.⁶

Но больше всего повесть твоя напомнила мне одну несчастную страсть мою в Одессе, куда я прибыл, только что окончивши мой курс в Московском университете. Твой Санин торговал в кондитерской, — а я торговал в чужом книжном магазине в ожидании одной посетительницы — которая входила в дом со двора через задние двери и нередко заставляла меня одного, так как книгопродавец Тотти⁷ — был женихом и беспрестанно убегал к своей певице. —

У моей красавицы, тоже с итальянским типом лица, оказался женихом немец, но (к счастью) судьба не помогла мне. — Я был опять-таки недовольно взрачен, чтоб отбить соперника-немца и с отчаянья уехал на Кавказ. —

Мой приятель Шатковский⁸ — тоже от твоей повести чуть с ума не сошел — прибежал ко мне и говорит, что ему тяжело, тяжело и тяжело — что дальше первой половины он читать боится — предчувствует, что будет что-то гадкое — и все-таки читать до конца хочется — что делать!»

Вот начало. —

Теперь продолжаю.

В прошлую пятницу была у нас мадам Маркевич⁹ — она сказывала, что муж ее читал твою повесть вслух — и в восторге — говорит, что после тебя за перо взяться совестно. —

В тот же вечер (т. е. в пятницу) у меня была порядочная кучка гостей — и между ними был некто г. О—ко — пишущий фельетоны в «Русском мире».¹⁰ Он — изумил меня — говорит, что отроду ничего хуже твоей повести он не читывал — что ты напомнил ему Марлинского,¹¹ — что таких женщин, как Полозова, никогда отроду не существовало и не существует. — Я оспаривал — и разумеется, в свою очередь, изумлял его.

С тех пор я много сталкивался с разным народом — и^a заметил резкую противоположность в суждениях. —

---

^a Далее зачеркнуто: один

Третьего дня был я во французском спектакле¹² — встретил Евгения Утина.¹³ — Ну что повесть? — Это последний современный вопрос. — Утин негодует на избитость сюжета, на то, что лица, выведенные тобой, не новы — но отдает справедливость блестящему художественному изложению рассказа. — Тут какой-то юноша, модник, повертался перед ним — и на вопрос, читал-де он твою повесть — сказал, что художественного он ничего терпеть не может — не читает и читать не будет-де. Этим, конечно, он хотел порисоваться и выиграть в глазах г. Утина.

Что скажут журналы и газеты, ты — сам прочтешь. — Вероятно, уже читал о себе в «С.-Петербургских ведомостях» фельетон Буренина (Z).¹⁴

Получил ли ты книжку январского «Вестника Европы». ¹⁵ — Напиши мне что-нибудь о моем стихотворении «*Что с ней*». ¹⁶ — Ведь я не ты — ничего в печати о себе не слышу, что б я ни писал. — Тот же Буренин (приятель мой) имя мое даже приводить опасается — совершенно *игнорирует*. — Прочтешь так с глазу на глаз — похвалит¹⁷ — а напечатаеть — ни слова! — Поневоле будешь дорожить каждым хоть в письме изложенным мненьем — особливо мнением такого художника, как ты. —

Другая моя просьба — в следующее воскресенье — возьми фиакр и поезжай к концу обедни в Chapelle russe — rue de Croix du Roule⁶. ¹⁸ — на дворе церкви живет семейство моей покойной жены — Устюжские. — Спроси отца — Василия Кузьмича — и познакомься с сестрами моей жены — они к Новому году прислали мне свои карточки — что за красавицы!¹⁹ Одна лучше другой. — Не бойся, ты с ними не соскучишься — они бойки и музыкантши — мать их славная француженка²⁰ — умела их воспитать — увь! несмотря на красоту и воспитанье, во Франции все-таки никто на них не женится, потому что у них нет приданого. Я до сих пор не прекратил с ними сношений — считаю их милым семейством. — Они меня любят — и назовись ты им другом моим — будешь принят с любовью.

Василию же Кузьмичу — (типический старик) — для начала передай от меня письмецо, я его сейчас же напишу и вложу.²¹ —

Разумеется, если что-нибудь помешает тебе в воскресенье — то поезжай в другой день — только в другой день, я боюсь, ты их не застанешь. — Девицы или дают уроки, или сами ходят куда-нибудь учиться. —

Первую зовут Юлия — ей 23 года. Вторую — Лиза — 20 лет и Маша — лет 18-ти.²² Особливо Лиза напоминает мне черты лица моей Елены. —

---

⁶ Русскую церковь — на улице Круа дю Руль (*франц.*).

Если ты будешь у них, то несказанно меня обрадуешь, если опи-
шешь мне это свиданье. —

Но довольно — не выписать ли тебе какое-нибудь стихотворение.
Авось понравится, а не понравится, не беда.²³ —

Утес

Отдалясь от гор прибрежных,
Отошел^{*} Утес далеко
В море — и торчит высоко,
Внемля гуду^{**} волн мятежных.
Но увы! тревоги моря —
Моря вольного^в и злого —
Не его тревоги; — горя,
Каменным сердцам родного,
Волны моря знать не знают.
Уносясь, они играют
Брызгами, лепечут, ропчут,
Падают, друг друга топчут.
И опять встают и блещут
И в него сердито хлещут.
Часто на его колена
Белая взлетает пена,
Серый мох на нем^г ласкает,
Шепчет и не понимает
Странных слов его: «Измена»,
«Рабство», «цепи вековые»,
«Слава» — «Думы роковые»...
Боги! Что все это значит?!
И Утес угрюмо плачет.
Иногда он чутко слышит
Как, ночью тишиною,
Море чем-то страстным дышит,
И коварною волною
Тихо льнет к его морщинам.
Называет исполином,
И потом — как будто гложет, —
Сердце каменное точит.
Он понять волны не может,
Отогнать ее не хочет. —

---

* не лучше ли *Ринулся?* — *Примеч. Полонского.*

** Не лучше ли *Над разливом* или — *Над рядами?* — *Примеч. Полонского.*

^в вольного *вписано над зачеркнутым:* бурного

^г на нем *вписано над зачеркнутым:* его

И она лепечет: милый!²⁴
Надышись моею силой —^д
Позабудь свои проклятья,
Упади в мои объятия —^е
Или — воротись к великим,
Тем горам глухим и диким,
Видишь, как они могучи,
Обступили нас, как тучи, —
Как стена, — и — ледяная
Светятся на них короны,
И какие-то другие
Чем у нас у них законы. —
Но — они тебе родные!
Воротись к ним, друг любезный!
Или — мы тебя укроем —
Только слей свой ропот с воем
Нашей вечно-темной бездны —

Но — советы бесполезны —
И Утес к прибрежным братьям
К их цепям и к их объятиям
Не воротится из бездны. —

Извини, что выписываю это стихотворение — кажется, оно в 100 раз хуже «Нагорного ключа»²⁵ — хотя и в том же аллегорическом роде. Но вопрос — понятна ли — ясна ли эта аллегория. Часто понятное автору — непонятно читателю. —

Жена²⁶ тебе кланяется, княгиня Гагарина²⁷ тоже кланяется.

Пиши скорей — жду ответа. —

Прощай, целую тебя и остаюсь твой

Я. Полонский.

Печатается по подлиннику: *BN. NAF. 16275. F. 419–419 verso, 422–422 verso, 420–421 verso*. Лист 422–422 verso, содержащий фрагмент письма: «но (к счастью) ~ выиграть в глазах г. Утина», — включен в данное письмо по содержанию.

¹ В ответном письме от 24 января (5 февраля) 1872 г. Тургенев высказал ряд критических замечаний о других присланных ранее в рукописи, а также появившихся в печати стихотворениях Полонского («Что с ней?», «Нагорный ключ»,

---

^д Этот стих вписан сверху.

^е Далее вычеркнут стих: Надышись моею силой! —

«Утес», «У Сатаны»), а также напомнил об обещании прислать «Клячу и Пегаса» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 208). Неизвестно, выполнил ли Полонский свое намерение, однако в ближайшее время это стихотворение в печати не появилось. Можно предположить, что отзыв Тургенева, если он и существовал, был скорее отрицательным. Впервые под названием «В степи» («Скучно-бесцветные дни — сумерки, вместо дневного...») данное стихотворение в сильно переработанном виде было опубликовано в первой части сборника Полонского «Озимь», вышедшего в 1876 г. в Петербурге (С. 136–140). В архиве Полонского в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились три черновых автографа ранней редакции стихотворения (*ИРЛИ*. № 11265), все с обильной правкой. По ним видно, что Полонский не сразу определился с заглавием: первоначально стихотворение называлось «Предполагаемая мена», однако затем поэт отказался от этого названия, зачеркнул его и вписал снизу новое: «Кляча и Пегас» (Л. 1). В двух других автографах (очевидно, несколько более поздних) стихотворение имеет заглавие: «Кляча и Пегас. Степная идиллия» (Л. 3, 4). Судя по тому, что в письме к Тургеневу Полонский называет свое стихотворение «Кляча и Пегас», эти автографы условно можно датировать концом 1871 г. — январем 1872 г. Некоторые варианты ранних редакций (далеко не все и с рядом неточностей) были опубликованы Б. М. Эйхенбаумом: *Полонский Я. П. Стихотворения и поэмы*. <Л.>, 1935. С. 733–734 (Далее — *Полонский. БП* 1935). О том, что Полонский мучительно работал над отделкой этого стихотворения, свидетельствует уже тот факт, что в самом раннем автографе он перепробовал четыре варианта только первого стиха, прежде чем прийти к окончательному: «Что за унылый простор! — нет ни куста ни пригорка!..» (Л. 1). Сохранились также два более поздних автографа, в котором стихотворение имеет уже заглавие, близкое к окончательному, — «В степи. Идиллия», оба также с значительной правкой (*ИРЛИ*. № 11188). По всей видимости, они относятся ко времени подготовки сборника «Озимь».

² Речь идет о вышедшей 1 (13) января 1872 г. в первой книжке «Вестника Европы» повесть Тургенева «Вешние воды» (С. 5–129).

³ По всей видимости, Полонский здесь передает мнение ряда своих знакомых, высказанное ими в устной беседе, поскольку первые печатные отклики на повесть появились только 8 (20) января 1872 г., когда в свет вышел № 8 «Санкт-Петербургских ведомостей» со статьей В. П. Буренина, за которой последовали резко отрицательные отклики в «Искре», «Московских ведомостях», «Русском мире», «Деле» и др. Общий тон упреков был тонко подмечен П. В. Анненковым, который в письме к Тургеневу от 10 (22) января отметил: «...повесть Ваша имеет большой, даже восторженный успех в публике, который не отражается в литературе, где все толкуют, что в ней нет никакого вопроса. Желющие иметь серьезный вид тоже выражают эту новую мысль, но заглушены энтузиастами, а последних много. Таковы почти все мои знакомые без исключения, особливо женщины. <...> Закключаю повтореньем, что и философы, жаждающие вопроса, сознаются, что мастерство изложения и рельефность характеров и положений вряд ли далее могут быть усовершенствованы» (*Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 192).

⁴ Имеется в виду *Василий Кузьмич Устюжский*, причетник русской церкви в Париже, отец первой жены Полонского *Елены Васильевны Устюжской* (ок. 1840–1860). См. о ней во вступит. статье. Редкая красота этой еще совсем юной девушки сочеталась «со столь же замечательными душевными качествами» (*Орлов П. А. Я. П. По-*

лонский. Рязань, 1961. С. 26). В письме к Л. П. Шелгуновой Полонский дал следующий ее портрет: «...она среднего роста, <...> стройна и грациозна. — У нее высокий, умный лоб, глаза синие, с таким звездистым блеском и такими большими зрачками, каких я отроду не видывал. Ее профиль правильный и строгий, выражение глаз тоже строгое, а улыбка веселая и совершенно детская. Она бела, и когда краснеет, то румянец играет не только на щеках, но и на лбу. Руки не из числа очень маленьких, но форма не дурна — руки ее развиты и потому, быть может, что она начала учиться музыке с 6-летнего возраста и теперь à livre ouvert <с листа — франц.> может играть по нотам очень трудным. Свойственного русским барышням замешательства или застенчивости я в ней не заметил, вообще все носит в ней печать характера нелегкого и неспособного к быстрым увлечениям, мне даже кажется, что в ней более практического смысла, чем поэзии, т. е. восторженности. — С необыкновенным тактом она ведет себя. — Ни малейшего кокетства. — <...> Не только признаний, но ни комплиментов, ни любезностей я ей не говорю. Она так себя держит, что невозможны любезности. <...> По-русски она понимает, но говорит мало, ибо не привыкла, и русское „р“ произносит как французское „r“». — Любит русские песни и знает их множество, о русской же литературе понятия не имеет. — Наши писатели для нее terra incognita <неведомая земля — лат.>. — Не знаю даже, знает ли, что я стихи пишу. Вообще моя известность не может действовать на ее воображение, что очень обидно, но когда же розы бывают без шипов? <...> Говорят, что у нее ангельский характер, этого я сам не знаю, да и не знаю вообще какой характер у ангелов» (Из переписки Я. П. Полонского. С. 2–3). Столь же благоприятное впечатление она произвела на всех друзей и приятелей Полонского. В письме к Тургеневу, написанном вскоре после приезда четы Полонских в Петербург, Н. А. Некрасов так отзывался о ней: «...прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонский, сватаясь, спрашивал ее, в состоянии ли она будет жить на чердаке и питаться одним хлебом. Она отвечала: в состоянии — и, верно, не солгала» (Некрасов. Т. 14. Кн. 2. С. 114). Как и многие друзья Полонского, Тургенев относился к Е. В. Полонской с большой симпатией и, узнав о ее смерти, последовавшей от тифа 8 (20) июня 1860 г. в возрасте двадцати лет, тотчас откликнулся: «Ты не поверишь, как часто и с каким сердечным участием я вспоминал о тебе, как глубоко сочувствовал жестокому горю, тебя поразившему. Оно так велико, что и коснуться до него нельзя никаким утешением, никаким словом: весь вопрос в том, что надобно однако жить, пока дышишь; и особенно надобно жить тому, которого так любят, как любят тебя все те, которые тебя знают. <...> Помнится, я было приглашал тебя не одного ко мне в деревню... но это все разлетелось прахом и только осталось воспоминание о светлом и милом существе, которому так мало было суждено пожить между нами...» (ПССИП(2). Письма. Т. 4. С. 257).

В архиве Полонского в ИРЛИ сохранились семь писем В. К. Устюжского к Полонскому за 1860–1863 гг. Первое из них написано 16 (28) июня 1860 г., тотчас по получении известия о смерти дочери: «Любезный наш Яков Петрович! Горе мне и ее матери. Можно ли и думать о великом таком несчастье, кого мы, несчастные родители, лишились, лишились милого дитя, взрослую, любезную, ангельской кротости как к нам, столько же и посторонним. О! несчастье, увы! мне, грешнику. Я лишился всей моей радости и надежды, надежды безвозвратной. Прощай, мое милое дитя, из пеленок выращено до дня брачного с большим тщанием, ничего не

жалели. Все, что по силе нашей, потребное было сделано. Бог нам ее дал, имел власть и взять от нас — есть его воля пресвятая» (*ИРЛИ*. Ф. 241. № 210. Л. 1–2). Из последующих писем становится известным, что во время кончины Е. В. Устюжской в Петербурге находились ее мать Елена Устюжская и младший брат Николай, а также место ее погребения — Митрофаньевское кладбище.

⁵ В это время Полонскому шел 39-й год, а герою «Вешних вод», когда он встречается с Джеммой, по словам автора, «минул 22-й год» (*ПССиП*(2). Соч. Т. 8. С. 257).

⁶ Ср. в воспоминаниях Полонского о своем студенчестве: «В любви у меня не было счастья, потому ли что я глупел и терялся, когда любил, или потому что не было и повода платить мне взаимностью: я был далеко не красавец, очень беден и вдобавок имел глупую привычку стихи писать <...>» (*Полонский Я. П. Мои студенческие воспоминания // Литературное приложение «Нивы». 1898. № 12. С. 670*).

⁷ Речь идет об известном одесском книгопродавце *Карле Осиповиче Тотти*, по инициативе которого, в частности, была открыта «новая русская библиотека» с первой в Одессе читальной залой. Одесское увлечение Полонского, по всей видимости, отразилось в его автобиографическом романе-хронике «Дешевый город» (1879). Так, описывая пребывание главного героя — Владимира Григорьевича Елатомского, 23-хлетнего юноши, недавно кончившего курс в Московском университете, — в Одессе, он замечает: «На Дерибасовской улице открылся новый книжный магазин Тотти, с читальной комнатой. Елатомский и Эвина чаще всего встречались в этой читальне» (*Полонский Я. П. Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. 7. С. 67*).

⁸ Лицо неустановленное. Шатковский неоднократно упоминается также в письмах Г. П. Данилевского к Полонскому. См.: Г. П. Данилевский. Письма к Я. П. Полонскому / Публ. Е. В. Свиясова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 136, 143, 150, 154.

⁹ Речь идет об *Александре Карловне Маркевич* (урожд. Зейфорт; 1840–1893), супруге романиста и публициста *Боислава Михайловича Маркевича* (1822–1884). О реакции самого Маркевича на «Вешние воды» см. вступит. статью к публикации. О непростых взаимоотношениях Маркевича и Тургенева см.: Из неизданной переписки И. С. Тургенева и Б. М. Маркевича. — И. С. Тургенева и А. П. Философовой / Публ. П. Устимовича; предисл. и коммент. Н. М. Мендельсона // *Звенья*. Вып. 5. С. 282–297; *Батюто А. И.* Тургенев и некоторые писатели антинигилистического направления // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 69–71; *Осипович А.* Тургенев и Маркевич // *Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures*. Pittsburgh, 1993. Vol. 6. P. 5–20.

¹⁰ Имеется в виду *Василий Григорьевич Авсеенко* (1842–1913), который вел регулярный фельетон под заглавием «Очерки текущей литературы» в «Русском мире», см. о нем во вступит. статье к наст. публикации. Несомненно, что опубликованный ранее анонимно в этой же газете отклик на «Вешние воды» (передовая статья в № 8 за 10 (22) января) также принадлежит Авсеенко. В пользу этого свидетельствует данная автором статьи оценка повести, перекликающаяся с тем, что Полонский сообщил в письме к Тургеневу.

¹¹ Сравнение с А. Марлинским — псевдоним *Александра Александровича Бестужева* (1797–1837) — было, по-видимому, особенно неприятным Тургеневу, поскольку с произведениями этого писателя, пользовавшимися необыкновенной

популярностью в 1830-е гг., олицетворялось в его представлении все то, что в вышедших в 1869 г. «Воспоминаниях о Белинском» он обобщенно назвал «ложновеличавой школой». Тургенев неоднократно признавался в том, что сам в молодости пережил бурное увлечение Марлинским. В вышедшем в 1871 г., непосредственно перед «Вешними водами», рассказе «Стук... стук... стук!..», действие которого отнесено ко времени наибольшей славы Марлинского, Тургенев попытался вскрыть исторические причины увлечения типом «фатального» героя. По тонкому наблюдению М. П. Алексеева, эта «психологическая студия» «носит на себе определенные следы критических воззрений Тургенева и объясняет нам многое в той оценке русского романтизма, какая была им сделана в „Воспоминаниях“» (Алексеев М. П. Тургенев и Марлинский // Творческий путь Тургенева. Сб. ст. / Под ред. Н. Л. Бродского. Пг., 1923. С. 171. Эта статья не потеряла своего значения до настоящего времени. Об отношении Тургенева к «марлинизму» см. также: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 8. С. 495–497, коммент. Л. М. Лотман).

¹² Французским в обиходе назывался петербургский Михайловский театр, в отличие от Александринского, который именовался русским.

¹³ Имеется в виду молодой сотрудник «Вестника Европы» *Евгений Исаакович Утин* (1843–1894), адвокат и публицист радикального направления, который в течение ряда лет вел в журнале «иностранный обозрение», в частности, опубликовал серию статей о положении Франции после франко-прусской войны (1871) и мн. др.

¹⁴ К этому времени Тургенев, несомненно, имел возможность ознакомиться с отзывом *Виктора Петровича Буренина* (1841–1926), появившимся за подписью «Z.» 8 (20) января в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые Тургенев получал в Париже (см. письмо к Анненкову от 8 (20) декабря 1871 г., а также ответ Анненкова на него от 10 (22) января 1872 г.: *Анненков. Письма*. Кн. 1. С. 192). В своем отзыве Буренин также отметил аполитичность нового произведения Тургенева, охарактеризовав повесть как «просто-напросто красивую и изящную беллетристическую вещь значительного объема <...>, не имеющую никакого отношения к „веяниям времени“ и даже довольно незначительное к русской жизни, потому что действие происходит за границей» (*СПбВед.* 8 января. № 8. С. 1). «Как Вы предсказывали, — писал Тургенев Анненкову 13 (25) января 1872 г., — Буренин остался недоволен — и, по словам Стасюлевича, — другие критики также упрекают меня, зачем моя повесть не с „начинкой“?» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 11. С. 200). Вместе с тем Буренин признал ряд достоинств за повестью. «Правда, форма, в которой изложена эта история, — замечал он, — прекрасна и по художественной отделке, быть может, составляет в некотором роде даже предел совершенства <...>». Кроме того, он высоко оценил проработку персонажей — тщательную и живую, а также художественное воплощение любовной коллизии. По его словам, «любовные признания, томления и оболщания изображены такими красками, какими умеет изображать эти вещи только один г. Тургенев». Однако после этих похвал Буренин признал повесть лишь «эстетической безделкой» и вновь повторил основной упрек, заключающийся в отсутствии в повести «общественной мысли». Вскоре в «Искре» была напечатана грубая пародия Буренина на «Вешние воды» под названием «Пирожница берегов Рейна, или Русский дворянин за границей. Тургеневская повесть», глубоко возмущившая Тургенева (см. об этом: *ПССиП(2)*. Соч. Т. 8. С. 511).

¹⁵ К этому времени Тургенев уже получил первую книжку «Вестника Европы», о чем сообщил П. В. Анненкову еще 7 (19) января: Там же. *Письма*. Т. 11. С. 196.

¹⁶ Стихотворение Полонского «Что с ней?», опубликованное в той же книжке журнала, что и «Вешние воды», произвело на Тургенева положительное впечатление, о чем он не преминул сообщить в ответном письме: «Оно мне очень нравится: правдиво и трогательно» (Там же. С. 208). Сам Полонский придавал этому стихотворению большое значение, о чем свидетельствует его письмо к М. М. Стасюлевичу от 11 ноября 1871 г., в котором, препровождая его на суд редактора «Вестника Европы», он писал: «Никогда еще не брал я на себя такой трудной поэтической задачи — изобразить нигилистку (начала 60-х годов) и изобразить так, чтоб, во-первых, не обвинить ее — даже отнестись к ней с некоторым сочувствием, — и во-2-х, не раздражить и не вооружить против себя ни цензуры — ни моралистов. Насколько справился я с этой задачей — не мне решать — скажу только, что не мало положил я на нее труда — и долгих соображений» (М. М. Стасюлевич и его современники: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 497). Стасюлевич также нашел стихи Полонского «прелестными» (Там же. С. 498).

¹⁷ Мнение Буренина, в то время сотрудничавшего в «Санкт-Петербургских ведомостях», было значимо для Полонского, в письмах к Тургеневу, Фету и Стасюлевичу он неоднократно ссылается на него (см., например, письмо к Тургеневу от 21 января (2 февраля) 1870 г.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 232–233 и др.). Так, в упомянутом выше письме к Стасюлевичу Полонский заметил, что «даже Буренин нашел, что оно <стихотворение «Что с ней?». — *В. Л.*> из самых удачных» (М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 3. С. 497). Однако со временем (в особенности после появления в печати крайне отрицательных отзывов критика о «Мими» и «Келиоте») он несколько разочаровался в Буренине и стал с большей горечью отзываться о нем: «Я знаю людей, которые ругательски ругают этого Буренина и подлецом, и пошлым дураком, и скотом — одним словом, не щадя эпитетов. Я же просто думаю, что это великий эгоист и только — эгоист, ни разу не заглянувший ни в чужое сердце, ни в чужую голову. Целая бездна страстей и ощущений для него — абсурд, потому что этот человек сам никогда не испытывал ничего подобного. <...> Вот отчего ему и на роду написано лаять на всякого — а особливо на того, кто ему не поклоняется — уже два года, как моя нога не была у него <...>» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 243). Сохранилась более поздняя дневниковая запись Полонского, которая дает представление о принципах, которыми руководствовался Буренин в своей критической деятельности: «Буренин сказал мне это — как бы в утешение, что если он замалчивает — ни слова не говорит о моих произведениях, то значит они хороши. — Он очень хорошо знает, что это *замалчивание* хуже брани (в практическом смысле)» (цит. по: *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 625).

¹⁸ На rue de la Croix-barrière du Roule (с 1867 г. rue Daru) в Париже находилась православная церковь св. Александра Невского при русском посольстве (освящена 11 сентября 1861 г.).

¹⁹ В ответном письме от 24 января (5 февраля) 1872 г. Тургенев сообщил, что выполнил просьбу Полонского и «несколько дней тому назад» отвез его письмо В. К. Устюжскому, а 23 января (4 февраля) присутствовал на обеде, после которой встретался с ним и со всем его семейством. В. К. Устюжский показался Тургеневу «очень добрым и тихим человеком», а его дочерей он нашел «очень милыми».

Ж. А. Полонская. Фотография И. А. Гоха.
Петербург, Нач. 1870-х гг. (ИРЛИ)

«Да и все они очень красивы, — писал он Полонскому, — хотя „красавицами в полном смысле слова“ я бы их не назвал — и все очень тебя любят и сохраняют очень теплую память о тебе» (ПССуП(2). Письма. Т. 11. С. 207–208).

²⁰ Трогательные письма жены В. К. Устюжского Елены Устюжской, француженки по происхождению, к Полонскому (1860–1868) хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 241. № 207).

²¹ Это письмо не сохранилось

²² В архиве Полонского в ИРЛИ сохранилось по одному письму к нему от сестер М. В. и Ю. В. Устюжских (Ф. 241. № 208, 209). Кроме того, там хранятся 92 письма к нему от Николая Устюжского на французском языке.

²³ Отзыв Тургенева об «Утесе» содержится в письме от 24 января (5 февраля) 1872 г., написанном в ответ на письма 1 и 2 (см. примеч. 2 к письму 2). В дальнейшем Полонский значительно переработал стихотворение, поэтому данный автограф можно считать ранней редакцией. Впервые стихотворение появилось в «Гражданине»: № 4. 24 января. С. 128; подпись: «Я. П. Полонский».

²⁴ Ст. 34–47 подверглись наименьшей переработке. В окончательном варианте ст. 34 (которому соответствует ст. 53 в «Гражданине») звучит так: «О, утес! герой мой милый», ст. 35–39 остались без изменений. Далее Полонский добавил два новых стиха — ст. 59–60, причем последний был взят им из первоначальной редакции (ст. 53): «К тем, когда-то милым братьям, / К их цепям и их объятьям». Затем в неизменном виде следуют ст. 40–41 первоначальной редакции (ст. 61–62 окончательной), ст. 42 приобрел следующий вид: «И всё те же ледяныя» (ст. 63), ст. 43–45 — без изменений (ст. 64–66), ст. 46 с незначительной правкой: вместо «Но — они тебе родные!» — «Но, зато — они родные!..», ст. 47 остался без изменений.

²⁵ Стихотворение Полонского «Нагорный ключ» было опубликовано в «Вестнике Европы»: 1871. № 12. С. 515–517. К его оценке Тургенев неоднократно возвращался в своих письмах. Получив книжку журнала, он сразу же откликнулся, сообщив в письме от 6 (18) декабря, что прочел стихотворение «с удовольствием», и отметил: «...в нем попадают очень счастливые обороты. Тебя муза не покинула <...>»

(ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 175). В следующем письме от 18 (30) декабря он добавил: «Красиво и грациозно — и аллегория верно выдержана до конца», — однако тут же указал на два неудачных стиха, которые были исключены впоследствии Полонским при подготовке вышедшего в 1876 г. сборника «Озимь» (Там же. С. 184–185).

²⁶ Имеется в виду вторая жена (с 1866 г.) Полонского *Жозефина Антоновна* (урожд. Рюльман; 1844–1920).

²⁷ Речь идет о княгине *Софье Андреевне Гагариной* (урожд. Дашковой; 1822–1908), супруге художника, князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893), исполнявшего в 1859–1872 гг. обязанности вице-президента Академии художеств. О несостоявшемся визите к ней в Академию художеств Тургенев сообщал Полонскому 24 апреля (6 мая) 1871 г. (ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 87).

2

13 (25) января (?) 1872 года. Петербург

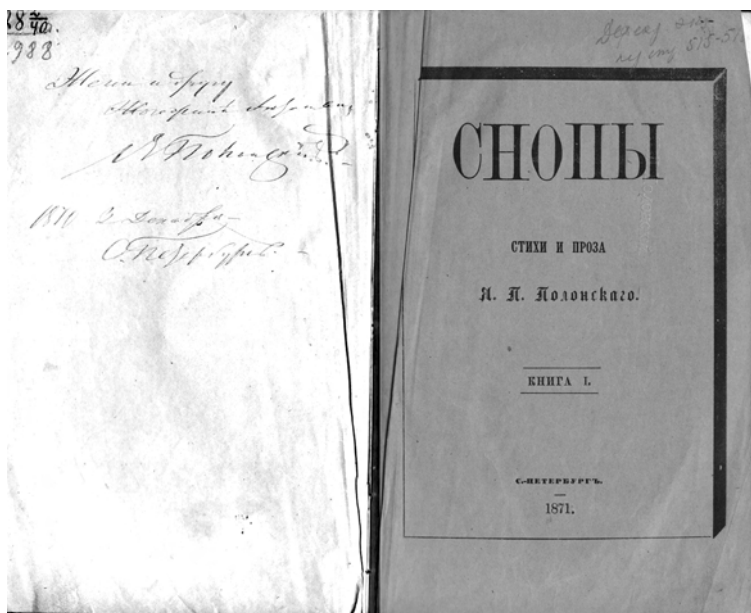
С.-Петербург.

Обуховский просп.,
дом Шольца, № 7, кв. № 6.

Еще на столе моем, друг мой Иван Сергеевич, лежало мое последнее письмо к тебе запечатанным,¹ — как я в один присест довел стихотворение мое, к тебе посланное, «Утес», до той степени переделки и отделки, — что мне стало совестно, что я вздумал попотчевать тебя таким незрелым и невкусным плодом моего вдохновения. Если бы мог я кричать тебе «не читай!», я бы крикнул вслед за моим письмом, которого переписать я не имел времени. — Письмо было писано и запечатано с вечера — а стихотворение мое я написал вновь с свежими силами на другой день утром — и когда кончил — надо уже было нести на почту. «Утес» этот будет на днях напечатан, и я тебе немедленно пришлю его, ибо заказал оттиски. Смею думать, что эта вещь — одно из самых удачейших моих произведений и, по моему крайнему разумению, — лучше, чем «Нагорный ключ».² —

Напечатано оно будет в «Гражданине» — издаваемом князем В. П. Мещерским.³ Газеты этой вышло всего только 2 номера, и она уже заявила себя как орган московский и консервативный с сильным запахом патриетизма,⁴ но пока еще без той антипатии к реформам, которая заметно стала проявляться в «Московских ведомостях». —

Я, значит, как публичная дева — или, по выраженью Герцена,⁵ как жертва общественного организма, — иду туда, куда меня приглашают — и даю то, что у меня просят — не обращая особенного внимания на то,

Сборник Полонского «Снопы». Разворот титульного листа.
На обороте шмуцтитула дарственная надпись Полонского:
«Жене и другу Жозефине Антоновне — Я. Полонский.
1870, 3 декабря — С. Петербург» (ИРЛИ)

красный, белый или синий член нашего общества обращается ко мне с этой просьбою.⁶ —

В моем поведении — не каюсь. В этом виновата литература и публика. — Литература или журналистика ни разу не указала мне моего надлежащего места. — У меня нет литературной семьи, определенного очага или значения — и те, которым я наиболее сочувствовал, оказались моими врагами.⁷

Я был окружен не теми ворами, которые крадут кошельки, — а теми, которые с радостью готовы украсть у меня — мое доброе имя и оклеветать меня перед публикой. —

Публика тем виновата, что как литератору не дала мне средств быть независимым от службы и журналов. Попробовал было я на свои средства издать «Снопы»⁸ — и осекся. — Некрасов говорил кому-то, что по счетам от своих стихотворений он получил чистой прибыли 80 000 руб. — и несмотря на это запел акафист Муравьеву.⁹ — Стало быть, мне уж и Бог простит печататься, где вздумается и где желают меня видеть. — Приди Аскоченский и скажи мне, что его богомолки желают прочесть

какое-нибудь мое стихотворение¹⁰ — я дам ему антирелигиозное стихотворение — и пусть себе печатает, если ему это нравится. Одним словом — я жертва общественного темперамента.

О твоей повести толки еще не умолкают. — Вчера еще Златковский¹¹ прислал мне № «Московских ведомостей» — с тем чтоб я прочел статью о твоей повести. — Статья сильно враждебная — и резкая.¹²

Мнение Буренина ты уже знаешь из фельетона «Петербургских ведомостей».¹³ — Вообще бранят тебя за то, что ты не вывел еще на сцену ни одного русского мужчину с характером — и доказывают это тем, что якобы в самом себе ты не находишь мужественной силы, — а стало быть, и не веришь ей. — Увы! художественная сила твоего таланта будет ценима только нами, последними могиканами — да еще теми — непосредственными натурами, которые еще не успели заболеть

Заемной мысли раздраженьем.¹⁴

Наше поколение ранее живало сердцем — нынешнее головой. — Мы в 35 лет не были такими практическими, как теперешние школьники. — Каждый юноша заранее уже готовит себе ту или другую карьеру — и высчитывает, сколько будет получать он жалованья, сколько разных посторонних доходов. Есть и такие 16-летние мужи, которые героине говорят: наша цель нажать себе состояние всеми правдами и неправдами. —

Думаю, что никакая Половцова,¹⁵ никакая итальянка не увлечет их. — Любовные страсти так же, как и пенье, так же, как и эстетическое чувство, ушли на последний план и, главное, стали проще. Потребность целоваться и потребность есть и пить — одно и то же — но последняя конечно важнее, ибо без женщины еще кое-как можно промаяться, а без хлеба — дудки! — Разумеется, нет правила без исключений. — Все же, мне кажется, что современный русский герой — это горячий по темпераменту и уже порядочно расхолодивший себя, — во-1-х, неудачными попытками сыграть роль великого гражданина или общественного деятеля и 2) рано сложившимся убеждением, — что ум прозрел, что при помощи микроскопа и телескопа глаза перестали нас обманывать и что все прежние мечтания: философия, метафизика, поэзия, верная любовь, семейное счастье и проч. и проч. — должны быть отнесены к разряду галлюцинации.

Но о современном типе можно писать много, очень много — и живи ты все это время на святой Руси, — шляйся по провинциям и посещай наши столицы — ты бы, конечно, лучше всех подметил бы новую струю; — но что я говорю лучше! — Думаю, что ты единственный, ко-

торый бы мог это сделать, ибо у нового поколения в литературе крупных талантов не замечается. —

Вот одна еще новость. — Новая драма — Аверкиева — «*Каширская старина*», данная в Москве, имела успех неслыханный.¹⁶ — Она игралась в 3 бенефиса. — Цены на места возросли — достать билет не было возможности.¹⁷ — Весь театр рыдал — автор был вызван бесчисленное множество раз, и «Биржевые ведомости» уже провозгласили его нашим Шекспиром.¹⁸

Радуюсь за успех. Дай Бог, чтобы все это отвечалось правде — и чтобы Аверкиев, преследуемый «Искрой»¹⁹ и всеми нашими передовыми²⁰ называемый «Перековеркиевым» или Исковеркиевым — всех их своим талантом ударил по носу. —

Сам я драмы не читал и не имею о ней понятия. — Аверкиев же — автор пьес «*Флор Скабеев*»,²¹ имевшей успех на сцене весьма обыкновенный, — и автор пьесы «*Леший*»,²² которую я также не читал. —

Но довольно — пиши — пиши. Еще раз благодарю тебя за наслаждение, которое я испытываю, читая твои «Вешние воды», и засим обнимаю тебя

весь твой Я. Полонский.

Когда ты будешь в Питере?

Печатается по подлиннику: *ВН. НАФ. 16275. Ф. 427–430 verso.*

Датируется предположительно по связи с предыдущим письмом, а также по упоминанию статьи Л. Н. Антропова, вышедшей 12 января 1872 г.

¹ Речь идет о письме 1.

² Как следует из ответного письма Тургенева от 24 января (5 февраля) 1872 г. (в котором он откликнулся сразу на оба полученных к тому времени письма Полонского), первая редакция «Утеса» понравилась ему «гораздо меньше», чем «Нагорный ключ». Он подтвердил опасения Полонского, высказанные в письме 1, заметив, что в стихотворении «аллегория не ясно выведена и т. д.» (*ПССуП(2). Письма*. Т. 11. С. 208). Однако к этому времени он еще не успел ознакомиться со второй редакцией стихотворения, поскольку получил только № 3 «Гражданина», а «Утес» появился в следующем, четвертом, выпуске журнала в сильно переработанном виде. См. также примеч. 23, 24 и 25 к письму 1.

³ Политический и литературный еженедельный журнал-газета «Гражданин» начал издаваться в 1872 г. (выходил по понедельникам, первый номер вышел 3-го, второй — 10 января). Официально его редакторами-издателями были Г. К. Градовский, Ф. М. Достоевский и В. Ф. Пуцкович, в действительности руководителем журнала и его фактическим редактором был князь *Владимир Петрович Мецкерский* (1839–1914), имя его, однако, на обложке журнала обозначено не было. Несмотря на то что общее направление «Гражданина» Тургеневу не импонировало, он неиз-

менно интересовался этим изданием и даже впоследствии выписывал его на имя госпожи Анштетт (см.: *Генералова Н. П.* Тургенев — читатель «Дневника писателя» Достоевского // Тургеневский ежегодник 2010 года. Орел, 2011. С. 17).

⁴ В этой связи характерно лаконичное обращение «К читателям», которым открылся самый первый выпуск «Гражданина»: «Некоторые из читателей ждут, вероятно, исповеди наших убеждений как заветного начала первого номера. Но эти читатели забывают, что в наше время, — более чем когда-либо, — столько истрчено бумаги и шрифта на слова и столько в этих словах было неосуществившихся обещаний и никому не нужных исповедей, что общество вправе сказать: „Довольно слов, мы хотим дела“» (Гражданин. 1872. № 1. 3 января. С. 1). Заканчивалось объявление призывом «искать наше направление в цельности и совокупности всех статей» издания и эффектным повторением: «Довольно слов, мы хотим дела». Однако уже во втором номере открыто был назван «главнейший предмет» издания — внутренняя жизнь России и помещена передовая статья Мещерского под говорящим заглавием «Вперед или назад».

⁵ Полонский имеет в виду эвфемизм «жертва общественного темперамента», который А. И. Герцен (вслед за П.-Ж. Пруденом) употребил по отношению к женщинам легкого поведения. В «Письмах из Франции и Италии» (Письмо второе, 1847) Герцен пишет: «В Париже, как некогда в Афинах, а потом в Италии, почти нет выбора между двумя крайностями — или быть куртизанкой, или скучать и гибнуть в пошлости и безвыходных хлопотах. Вы помните, что речь идет о буржуазии, сказанное мною не будет верно относительно аристократии, но ведь ее почти нет. Кто наряжается, веселится, танцует? — La femme entretenue <содержанка — франц.>, двусмысленная репутация, актриса, любовница студента... Я не говорю о несчастных „жертвах общественного темперамента“, как их назвал Прудон; те мало наслаждаются, им недосуг» (*Герцен*. Т. 5. С. 36).

⁶ В ответ на эти сентенции Полонского Тургенев написал: «Ты очень хорошо делаешь, что печатаешься там, где предстоит тебе возможность. К чему эти бесполезные деликатности, за которые тебе никто даже спасибо не скажет?» (*ПССиП*(2). *Письма*. Т. 11. С. 208). Как отмечают авторы статьи о Полонском в словаре «Русские писатели», у поэта долго не было «своей» читающей публики. Отчасти причиной тому послужила позиция «между партиями», которую Полонский занял в 1860-е гг. и которой неизменно придерживался до конца своей жизни, не примыкая ни к «отрицателям», ни к представителям «чистой» поэзии (*Русские писатели*. Т. 5. С. 56). Поэт без определенного, ярко выраженного направления, Полонский оказался невостребованным. Большинство журналов придерживалось определенных направлений и печатало его стихотворения весьма неохотно. Отдельные стихотворения Полонского в 1860-е — 1870-е гг. появлялись в журналах самых разных направлений — в «Эпохе», «Искре», «Литературной библиотеке», «Русском вестнике», «Женском вестнике», «Беседе», «Заре», «Вестнике Европы», «Гражданине», «Отечественных записках», «Деле», «Неделе» и др. Впоследствии Полонский так объяснял свое сотрудничество в случайных журналах: «Наши большие литературные органы любят, чтобы мы, писатели, сами просили принять нас под свое покровительство — и тогда только благоволят к нам, когда считают нас своими, а я всю жизнь был ничей, для того чтобы принадлежать всем, кому понадобится, а не кому-нибудь» (Письма А. П. Чехова: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 12).

⁷ Полонский намекает на Н. А. Некрасова и свою неудачную попытку сблизиться с журналом «Отечественные записки», в котором незадолго до того появились разгромные рецензии М. Е. Салтыкова (см. о них след. примеч.) на последние сборники его стихотворений. Сохранился черновик письма Полонского к Некрасову, с большим количеством исправлений, за 7 апреля 1871 г., тон упреков которого переключается с письмом к Тургеневу. «С тех пор, — с горечью писал в нем Полонский, имея в виду время своего сотрудничества в «Современнике», — я стал и либеральнее и ближе к вопросам жизни и ближе к Вам по своему направлению. Но с тех же пор — мы оба, и вы и я согрешили». Любопытно, что в изначальном варианте письма последнему предложению предшествовала следующая фраза: «С тех пор, конечно, не ради того, чтоб угодить какой-либо партии — а ради жажды по мере сил моих не отставать от времени — я в ущерб моим поэтическим настроениям, не раз изменял тем понятиям об искусстве, в которых воспитал себя под влиянием 40-х годов и Белинского», — которую Полонский затем вычеркнул. Под «прегрешениями», как следует из письма, Полонский имел в виду написанное Некрасовым послание к М. Н. Муравьеву и свое участие в «бесцветном» журнале «Литературная библиотека». «Не знаю, чья вина была сильнее, — продолжал Полонский. — Но те самые, которые ругали Вас, — пристали к Вам и стало быть простили Вам — но не простили мне моего тяжкого прегрешения; по их совету Вы отказали мне в сотрудничестве. И вот, теперь уже мало Вам, что я, по словам Вашего же рецензента <Салтыкова. — В. Л.>, бездарный писака из писака, поэт без ума, без чувства, даже без воображения, мало Вам этого — видно хотите, чтобы Ваши читатели считали меня врагом народного образования, врагом грамотности, и пр. и пр. 10 лет я молчал, 10 лет я, как бессловесное животное, позволяя всем и каждому клеветать на свои убеждения — приписывать мне мысли, чувства и мнения, которых я никогда отроду не имел и иметь не мог и которых не высказывал — и что же? простили ли мне мое молчание?.. — Нисколько» (Некрасов и Я. П. Полонский (К истории «Современника» и «Отечественных записок») / Публ. Н. К. Козмина // Некрасов. Незданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 280–283). По предположению Б. М. Эйхенбаума, письмо это не было послано, и «вместо борьбы с Некрасовым и его „партией“, Полонскому пришлось, как он уже пробовал и раньше, пойти на уступки требованиям эпохи и начать лавировать, „изменяя“ прежним понятиям об искусстве», что в дальнейшем привело к разногласиям с редактором другого журнала — М. М. Стасюлевичем (см.: *Полонский. БП 1935. С. 722*).

⁸ Сборник стихотворений и прозы Полонского «Сноп» был напечатан на средства поэта, заработанные им в качестве воспитателя в семье железнодорожного промышленника С. С. Полякова (в его семье он работал с лета 1869 г.), и вышел в 1871 г., вызвав резко отрицательную рецензию М. Е. Салтыкова, которая стала вторичным выступлением писателя против Полонского. Незадолго до того (ОЗ. 1869. № 9) Салтыков раскритиковал первые два тома «Сочинений Я. П. Полонского», вышедших в Петербурге в 1869 г. Констатируя охлаждение, невнимание публики и критики к поэзии Полонского, Салтыков сформулировал причины этого охлаждения, которые, по его мнению, заключались в неопределенности творческой личности, «физиономии» поэта, эклектизме и отсутствии тенденции. При этом он подверг ироническому анализу наиболее характерные, с его точки зрения, стихотворения

Полонского. Тогда Тургенев счел необходимым вмешаться и выступил в защиту Полонского на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1870. 8 января. № 8), обвинив «неискусную» и «недобросовестную» критику в клиентизме. Заканчивалось <<Письмо к редактору>> недоброжелательной характеристикой поэзии Некрасова и намеком на пристрастное отношение критика «Отечественных записок» к Полонскому в угоду Некрасову (см.: *ПССуП(2). Письма*. Т. 10. С. 122–127). К сожалению, ввиду решения редколлегии второго Полного собрания сочинений Тургенева помещать открытые письма в томах серии Писем, эта острая публицистическая статья Тургенева «затерялась» и оказалась исключенной из его общего критического наследия. Ср.: *ПССуП(1). Соч.* Т. 15. С. 154–160, где эта статья помещена в разделе «Открытые письма».

⁹ Полонский намекает на известный случай, когда, якобы надеясь спасти от закрытия «Современник», Н. А. Некрасов в 1866 г. на торжественном обеде в Английском клубе обратился с приветственной одой к М. Н. Муравьеву — генерал-губернатору северо-западных губерний, жестоко подавившему восстание в Польше и назначенному председателем верховной комиссии по делу покушавшегося на Александра II Д. В. Каракозова. Это выступление Некрасова, вынужденное обстоятельствами и им же потом осуждавшееся, было крайне негативно воспринято современниками.

¹⁰ Полонский имеет в виду еженедельный журнал «Домашняя беседа», который в 1858–1877 гг. издавался *Виктором Ипатьевичем Аскоченским* (1813–1879) и был метко назван Герценом «духовным журналом иезуитско-православного направления» (*Герцен*. Т. 18. С. 199). Он неоднократно становился объектом насмешек как умеренной, так и радикальной печати (см.: *Русские писатели*. Т. 1. С. 118).

¹¹ Среди писем цензора Комитета иностранной цензуры, сослуживца Я. П. Полонского и А. Н. Майкова *Михаила Леонтьевича Златковского* (1836–1904), хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (№ 12100), указанного письма обнаружить не удалось.

¹² Речь идет об оскорбительной статье Л. Н. Антропова «Новая повесть Тургенева „Вешние воды“», которая вышла 12 января 1872 г. (*МВед.* № 9. С. 3; помечена 7 января) за подписью: «Л. А.—в». «Скажем прямо, — писал в ней Антропов, — „Вешние воды“ вещь не только относительно слабая, но безотносительно плохая. <...> Редко случалось нам присутствовать при подобном фиаско, и мы недоумеваем, как мог писатель, когда-то пленявший публику, сорваться так жалко». Дав весьма упрощенное и плоское изложение фабулы повести, Антропов язвительно указал на «заграничность» как основной ее недостаток: «Романтическая обстановка Баден-Бадена отразилась в „Вешних водах“. Краски их самые радужные; эпизоды одного поэтичнее и эффектнее. У нас теперь так никто не пишет. Чтобы так писать, надо иметь много смелости». Особому глумлению подвергся «язык» повести, который был назван «крайне манерным», эпитеты — «или искусственны, придуманы и ничего не передают», «или пошлы своей рутинностью». Вердикт «Московских ведомостей» был безжалостен: «Не как шутку или парадокс, а серьезно высказываем мы наше убеждение, что г. Тургенев, писав свои „Вешние воды“, имел в виду не русских читателей <...>, а международную публику». Дальнейшие выводы Антропова могли быть восприняты как донос: «Все его <Тургенева. — В. Л.> идеалы и симпатии на чужой стороне, и он преподносит европейской публике произведение,

которое не может не польстить ее гордости пред нами, бедными духом, растленными русскими». Увидев положительных героев только среди персонажей «европейского» происхождения, критик обвинил Тургенева в пристрастности по отношению к своим соотечественникам: «А вот люди, пришедшие в русского Востока. Лучший из них Санин — дрянь человек, тряпка, не годный ни на добро, ни на зло <...>. А вот семейка Полозовых: жена олицетворение инстинктов Мессалины в теле и душе мещанки, женщина отчаянно распутная, но с душевною ясностью. Супруг ее <...> является ожиревшею скотиной, чувствующею себя как нельзя более комфортабельно за развратом жены и даже им поигрывающею. <...> И Санин, и эта семья Полозовых, разумеется, ведут жизнь паразитов, бессмысленно и бесцельно проедают готовые доходы». В завершение Антропов, еще раз перечислив «отрицательные свойства таланта» Тургенева, к которым он отнес «фельетонную, дилетантскую легкомысленность» повествования, «бедность вымысла», «недостаток „трезвой правды“, плохо заменяемый эlegantностью изобретения и парфюмерностью языка», констатировал: «...чувствуется, наконец, полный разрыв с русской жизнью, не восполняющийся прилеплением себя к европейской». Текст статьи был доставлен Тургеневу Анненковым, который выслал вырезку из «Московских ведомостей» 18 (30) января, сообщив, что повесть там «разругана бесчестным образом» (Анненков. Письма. Кн. 1. С. 193). По его словам, появление этой статьи «возбудило общее омерзение, даже у молодежи, распознавшей в нем расчеты Каткова и давно пенившуюся у него желчь за оставление» Тургеневым «Русского вестника» (Там же). Благодаря Полонского в ответном письме за сообщение сведений о реакции на «Вешние воды», Тургенев заметил, что «Московские ведомости» «пересолили», и указал на прозрачность действий Каткова (ПССиП(2). Письма. Т. 11. С. 208).

¹³ Об отзыве Буренина см. примеч. 14 к письму 1.

¹⁴ Перефразированная строчка из стихотворения Лермонтова «Не верь себе» (1839): «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой, / Как язвы бойся вдохновенья... / Оно — тяжелый бред души твоей больной, / Иль пленной мысли раздраженья».

¹⁵ Так в подлиннике, ошибочно вместо: Полозова.

¹⁶ Речь идет о пьесе *Дмитрия Васильевича Аверкиева* (1836–1905) «Каширская старина», опубликованной в «Русском вестнике» в 1872 г. (№ 1). Еще до публикации она была поставлена на сцене Малого театра в Москве 9 декабря 1871 г. и имела огромный успех. В Александринском театре премьера «Каширской старины» состоялась 27 сентября 1872 г. В Петербурге пьеса была принята хуже, чем в Москве. По замечанию А. С. Суворина, Аверкиев «написал нечто весьма посредственное, не лишенное сценичности, впрочем, и рассчитанное на балаганную публику и на верхи. Верхи точно блаженствовали» (НВр. 1872. 29 октября).

¹⁷ По воспоминаниям театрального критика И. Н. Захарьина-Якунина, присутствовавшего на этом спектакле: «В <...> сезон 1871–1872 года на сцене Малого театра Москвы, в бенефис Г. Н. Федотовой, была поставлена пьеса, колоссальный успех которой был равен успеху самых выдающихся пьес, шедших в этом театре раньше, в его лучшие времена — „Горя от ума“, „Ревизора“, „Свадьбы Кречинского“ и др.: это была народная трагедия „Каширская старина“. <...> Пьесу эту пересмотрела „вся Москва“, она шла до самого конца сезона, билетов в кассе „обыкновенным смертным“ не выдавали, и театральные барышники наживали тысячи,

продавая места по двойной и тройной цене...». «Никогда, ни раньше, ни позже, — продолжал далее он, — я не видал таких шумных и необычайных оваций, которых удостоились в этот спектакль бенефициантка, автор, а также и все остальные исполнители. Зато ведь и какой же был состав артистов в этот вечер! — по всей вероятности, пьесе г. Аверкиева никогда уже не суждено иметь подобных исполнителей в будущем» (*Захарьин-Якунин И. Н.* Русский театр прежде и теперь. СПб., 1903. С. 303–304).

¹⁸ Заметку, о которой упоминает Полонский, обнаружить не удалось. Возможно, это сравнение также намекало на известное стихотворение В. С. Курочкина «Предвещения под Новый год», опубликованное в «Искре» (1864. № 50), где есть следующие строки: «На зависть западного мира, / *Ерыжным веяньем* объят, / Затмит Аверкиев Шекспира» (Поэты «Искры»: В 2 т. / Вступит. ст., сост., подготовка текста и примеч. И. Г. Ямпольского. Л., 1987. Т. 1. С. 171). Очевидно, объектом сатиры стала большая статья Аверкиева о Шекспире, опубликованная им в 1864 г. в журнале «Эпоха» (№ 5–6 и направленная против <<Речи о Шекспире>> Тургенева), а также связанная с ней статья «Значение Островского в нашей литературе» (1864, № 7), в которой он дал более умеренную (по сравнению с А. А. Григорьевым) оценку творчества драматурга как «русского Шекспира».

¹⁹ Аверкиев впервые обратился к созданию драматических произведений, будучи сотрудником журнала «Эпоха»; его первый опыт в этой области — «Мамаево побоище» (Эпоха. 1864. № 10) — был встречен следующей эпиграммой Д. Д. Минаева: «Своею драмой донимая, / Ты удивил весь Петербург: / Лишь только в свите у Мама / Мог быть подобный драматург» (Поэты «Искры». Т. 2. С. 136). В дальнейшем произведения Аверкиева неизменно «продергивались» в «Искре» Минаевым и Бурениным, которые именовали его то «Недокаверкиевым», то «Перекаверкиевым». По воспоминаниям П. Д. Боборыкина, это прозвище прижилось и в актерской среде, где Аверкиева звали «Дмитрий *Перекаверкиев*» (*Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 394). Общавшийся с Аверкиевым в 1860-е гг. Боборыкин отмечает, что, «сделавшись драматургом и критиком», он «отличался большой начитанностью, выучился по-английски, знал хорошо Шекспира, щеголял обширной памятью, особенно на стихи, вообще выдавался своей литературностью, но и тогда уже было в нем что-то неуравновешенное, угловатое, какая-то смесь идеализма с разными охранительными вожделениями» (Там же). Несмотря на то, что пьесы Аверкиева критиками оценивались сравнительно невысоко, они имели большой успех у публики.

²⁰ Среди прочих Полонский, очевидно, имеет в виду и Д. И. Писарева (видевшего в Аверкиеве «пламенного поклонника и неудавшегося подражателя покойного Аполлона Григорьева»), который неоднократно выступал против него в своих статьях, подвергая суду как критические работы, так и драматургические опыты. «Мамаево побоище» было названо Писаревым «тенденциозным панегириком прошедшему», а автор, по его заключению, «уже с головою окунулся в мутную премудрость „Эпохи“ и в своих многочисленных критических статьях заплатил уже такую обильную дань духу мракобесия и сикофанства, что навсегда отрезал себе дорогу к прямой литературной деятельности» (*Писарев Д. И.* Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 129, 263).

²¹ «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничей, Нардын-Нащокина, дочери Аннушке» с чрезвычайным успехом прошла в Александринском

театре в бенефис В. В. Самойлова в 1868 г. Опубликована пьеса была в журнале «Заря» (1869. № 3).

²² Комедия «Леший» была опубликована в «Отечественных записках» в 1866 г. (№ 5–6).

3

25 октября (6 ноября) 1873 года. Петербург

С. Петер<бург>.
Обухов<ский> пр.,
дом № 7 Шольца.

1873. 25 окт. ст. ст.

Полагаю, друг Иван Сергеевич, что ты не получил письма моего, посланного в начале сего месяца — иначе бы хоть строчкой да откликнулся.¹ Пишу к тебе в тревоге. — Мой сынишка вдруг захворал — одного доктора не нашел, другого ожидаю. — Лежит мальчик в жару, а мы не знаем, что с ним?²

Скажи, не Анненкова ли я видел нынче на Невском? Не решился остановиться и его остановить, до такой степени показалось мне невероятным, чтоб в такую плохую погоду он воротился в Питер.³ —

Здоров ли ты? Скоро ли к нам приедешь? —

Откликнись хоть строчкой.

Я был болен — и теперь еще чувствую слабость. — Доктор мой говорит, что я слишком много работаю — и точно сижу иногда до 4-х часов пополуночи. Пишу. —

Хотел тебе послать оттиск «Мими» — да переплетчица надула — неделю тому назад отдал брошюровать оттиск, и до сих пор даже и не начала работать.⁴

Да что моя «Мими», это должно быть такая дрянь, на которую тебе и внимание-то обращать не следует.⁵ —

Прощай, до свиданья, остаюсь твой

Я. Полонский.

Печатается по подлиннику: *BN. NAF. 16275. F. 425–425 verso.*

¹ По всей видимости, речь идет о недатированном письме Полонского, опубликованном в «Звеньях» (Вып. 5. С. 178–180). Г. П. Миролубов датировал это письмо расширительно: концом сентября — началом октября 1873 г. (Там же. С. 180, примеч. 1). Публикуемое письмо Полонского дает возможность несколько уточ-

нить датировку, сузив ее до начала октября. В этом письме Полонский с горечью писал о том, что прочел первую часть глумливого отзыва Буренина на его поэму «Мими». «Странная судьба поэм г. Полонского, — язвительно замечал в нем Буренин, — возбуждать толки до появления этих поэм в свет и оказаться потом пустяком» (*З. <Буренин В. П.> Журналистика. Нечто о возрождении в наши дни поэм и стихотворных повестей // СПбВед. 1873. 20 сентября. № 268*). Особенно Полонского задело замечание Буренина о том, что Некрасов «дурак, заплатил за нее <поэму. — В. Л.> якобы за стих по червонцу» (*Звенья. Вып. 5. С. 178*). «Удивительное дело! — заключал Полонский. — Прежде чем что-нибудь решиться напечатать — прочтешь и тому, и другому, и третьему — и когда уже убедишься, что поэма нравится строгим ценителям и судьям, скрепя сердце решишься продать ее. Что же — со всех сторон начинают плевать и языки высовывать» И далее выписал сочиненную им эпиграмму на Буренина:

Я желчь Буренина своей поэмой вспенил
И завоняло так, что страх.
Должно быть у себя в «Ведомостях»
Он что-нибудь да набуренил.

(см.: Там же. С. 178–179, а также примеч. 5 к наст. письму).

² Речь идет о старшем сыне Полонских — *Александр*е (1868–1934). В следующем письме, условно датированном временем между 28–31 октября, Полонский сообщил о том, что ему стало легче: «Сыну моему Але легче, нынче он встал с постели — а когда я писал к тебе последнее письмо, у меня дрожали руки от волнения и от усталости. Я думал, что он ночи не переживет, что его задушит, и до 2-х часов ночи искал доктора» (*ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 244*).

³ В письме от 24 октября (5 ноября) Тургенев сообщал, что П. В. Анненков «окончательно поселился на зиму в Ницце; наслаждается солнцем, морем, теплым воздухом и здоровьем» (*ПССУП(2). Письма. Т. 12. С. 234*). В ответ Полонский заметил: «Анненков — это что-то легендарное — одни уверяют, что он здесь, <...> другой говорит — да нет, он за границей <...>. Я видел его на Невском — т. е. видел его профиль с седой бородкой, немного à la Napoléon. <...> Гаевский уверял меня в том, что он здесь — а ты пишешь, что он в Ницце наслаждается солнцем с кухаркой» (*ЛН. Т. 73. Кн. 2. С. 244*).

⁴ Насмешки Буренина в «Санкт-Петербургских ведомостях» настолько огорчили Полонского, что он так и не выполнил своего обещания и не выслал Тургеневу оттиск «Мими».

⁵ Поэма Полонского «Мими» публиковалась в «Отечественных записках» (1873. № 9–10). Столь резкая реакция Полонского была вызвана рядом обстоятельств, связанных с опубликованием поэмы, а также резко отрицательным отзывом о первой части В. П. Буренина (*СПБВед* от 20 сентября). 27 октября вышла статья Буренина с отзывом о второй части «Мими». По мнению критика, вторая часть поэмы «оказалась таким же невинным и наивным стихоупражнением, как и первая». Далее он вынес уничижительный вердикт: «...и я могу о ней беседовать с публикой, не напрягая моей мысли критическим анализом, а просто только увеселяя себя, и вместе с тем моих читателей» (*З. <Буренин В. П.> Журналистика. «Мими», поэма в двух частях г. Полонского // СПбВед. 1873. 27 октября. № 296*). Оценка Тургенева

А. Я. Полонский в возрасте 3 лет и 9 месяцев.
Фотография Захарьина. Петербург, 1871 г. (ИРЛИ)

была более благожелательной. После выхода первой части он отметил, что ему многое в ней понравилось, что «от нее веет искренностью, а местами поэзией», но в целом оценил ее невысоко: «...но все же мне сдается, что ты в подобных больших произведениях словно не дома, не в своем тоне поешь. Ты по преимуществу лирик с неподдельной, более сказочной, чем фантастической жилкой; а тут дело в анализе, в характере, в их столкновении и развитии... Это под руку прозаику» (ПССуП(2). *Письма*. Т. 12. С. 234). Выход второй части не изменил общего впечатления, произведенного на Тургенева первой, о чем он сообщил Полонскому 28 ноября (10 декабря) (см.: Там же. С. 248).

4

Между 1 (13) и 10 (22) декабря 1873 года. Петербург

С.-Петербург.
Обуховский проспект,
дом Шольца, № 7, кв. № 6.

Действительно, милый мой Иван Сергеевич, почта украла у меня одно письмо твое¹ — ибо того письма, где ты говорил мне о второй части

«Мими»,² я не получал — а не получая от тебя ни ответа ни привета, вообразил, что моими последними к тебе письмами, написанными в хандре, я навел на тебя досаду³ — и ты положил в сердце своем наказать меня своим молчанием за мое малодушное отношение к жизни — и веришь ли, выходит, что ты прав. —

Но ты — видно, изучил меня и знаешь, до какой степени характер мой многосложен — знаешь, что во мне постоянно борется сила с бессильем — мужественность с женственностью, неподвижность с порывами *Dahin! Dahin!*⁴ Талант с отсутствием способностей и проч. и проч.

Нынче готов я унывать и сожалеть и что-либо оплакивать — а завтра тряхнуть головой, сказать: «Черт возьми! Всё вздор перед вечностью», — и оказаться железным там, где вчера был воск. В этой двойственности моего характера весь мой организм, слишком болезненный для того, чтоб быть постоянно одним и тем же.

Мне уже говорили, что ты приехал в Петербург, даже спрашивали меня, видел ли я тебя! — Говорили и говорят, что ты пишешь большой — большущий роман⁵ — что в романе 17 действующих лиц, что ты только их и видишь, только с ними мысленно и беседуешь. — Что ты не был в С.-Петербурге, это я знаю, но пишешь ли что-нибудь, не знаю — по крайней мере из твоих писем ничего не видно. —

Петербург стал давно уже одним из первых сплетников. — Что он врет, уму непостижимо. Я иногда слышу про себя такие вещи, которые мне и во сне не снились. И добро бы еще люди выдумывали что-нибудь порядочное, а то постоянно изобретут мерзость невероятную. Так, недавно моя *belle-sœur*^{а, 6} слышала, что я любовник мад<ам> Штакеншнейдер,⁷ старухи — да еще с свиной физиономией! — Черт знает, что за дребедень!!

Моя поездка в Монсумано⁸ помогла ноге моей — но, как видно, от питерских катаров нет спасенья — и эти катары — бич мой. Ходить и сидеть, писать и читать с хрипотой в горле, с кашлем и с насморком — это для меня мученья по своей длинноте и бессрочности просто невыносимые. —

А избавиться от них можно только другим климатом — южным теплом и проч. и проч.

Что ты не приедешь в январе — это я предчувствовал — и при всем моем страстном желании обнять тебя очень рад, что ты не рискуешь своим здоровьем — и свою поездку отлагаешь до марта.⁹ — Но и в марте я тебя ждать не буду, а буду ждать в апреле, который иногда в Петербурге

---

^а свояченица (*франц.*).

несравненно лучше мая. Когда на Неве тронется лед, ты тогда уедешь или в Москву, или к себе в деревню — повязавши хороший теплый набрюшник — ибо нельзя в России в наши лета путешествовать без набрюшника. —

«Келиот» мой идет к концу или лучше сказать остановился перед концом.¹⁰ — Жду вдохновенья, жду тех же сил, с какими я принялся за работу. — Если кончу, позволь прислать к тебе с просьбой, чтоб ты вычеркнул все, что тебе покажется лишним. —

Если буду жить, напишу 10 поэм — и если из них 2 будут хороши, умру спокойно. Но прощай, до свиданья. Очень рад, что твое здоровье тебя самого удовлетворяет. Обнимаю тебя заочно и остаюсь твой тебе преданный

Я. Полонский.

Пиши, если 17 лиц твоего романа не поглощают еще всего твоего времени.

ЛВ. Базена¹¹ не казнят — он не Россель,¹² который мог бы еще послужить со славой Франции. — Франция добивается равенства и теряет свободу — может быть, оно хорошо вышло, — но издали куда как стало прозаичнее <?>.

На закате^{6, 13}

Вижу я, сизые с золотом тучи
Загромоздили весь запад; в их щель
Светит заря, — каменистые кручи,
Ребра утесов, березник и ель
Озарены вечеряющим блеском;
Ниже — безбрежное море. Из мглы
Темные скачут и мчатся валы
С неумолкаемым гулом и плеском.

К морю тропинка в кустах чуть видна,
К морю схожу я, и —

— Здравствуй, волна!

Мне, охлажденному жизнью и светом,
Дай хоть тебя встретить теплым приветом!..

Но на скалу набежала волна —
Тяжко обрушилась, в пену зарылась,
И прошумела, отхлынув назад:
— Новой волны подожди — я разбилась...

---

⁶ *Сверху в левом углу помета рукой Полины Виардо: «à regarder (pas intérêt probablement)» («просмотреть (возможно, не представляет интереса)» — франц.).*

Новые волны бегут и шумят, —
То же, все то же я слышу от каждой...
Сердце полно бесконечною жаждой, —
Жду, — все темно — погасает закат...

Я. П. Полонский

Печатается по подлиннику: *ВН. НАФ.* 16275. Ф. 431–433. Датируется на следующих основаниях. Письмо написано в ответ на письмо Тургенева из Парижа от 28 ноября (10 декабря) 1873 г. (в котором Тургенев сообщает о том, что незадолго до того отправил Полонскому письмо (не сохр.) с отзывом о второй части его поэмы «Мими»), которое не могло быть получено Полонским ранее 1 (13) декабря — т. е. трех дней, в течение которых почта доставлялась из Парижа в Петербург. Вторая крайняя дата устанавливается по связи с письмом 5, датированным 11 (23) декабря 1873 г., в котором Полонский упоминает, что «на днях» уже писал Тургеневу, возможно имея в виду данное письмо.

¹ Полонский здесь отвечает на следующее место письма Тургенева от 28 ноября (10 декабря) 1873 г.: «Ты упрекаешь меня в лени — а я на каждое твое письмо отвечал аккуратно и потому должен полагать, что тут почта нашалила» (*ПССУП(2). Письма.* Т. 12. С. 248).

² В ответном письме Тургенев кратко пересказал свой отзыв о второй части «Мими». «Ты попал в несколько чуждый тебе тон, — писал он, — но я уверен, что ты, как выражаются французы, возьмешь свою „revanche“ <...>» (Там же). В схожем ключе Тургенев высказался и о первой части поэмы (см. его письмо к Полонскому от 24 октября (5 ноября) 1873 г.: Там же. С. 234).

³ В нескольких письмах, написанных в октябре — ноябре 1873 г., Полонский сетовал на недостаток денежных средств, на невозможность заработать себе на жизнь литературным трудом, на плохое здоровье, на неудачи, связанные с попыткой опубликовать свои последние произведения, и т. д. См., например, письма, предположительно датированные 28–31 октября (9–12 ноября) и около 24 ноября (6 декабря): *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 243–244, 246–247.

⁴ Цит. из песни Миньоны («Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте), ставшая практически нарицательным выражением романтического стремления к бесконечному.

⁵ Тургенев был занят в это время работой над романом «Новь», который вышел в «Вестнике Европы» в 1877 г. (№ 1–2).

⁶ По всей видимости, имеется в виду жена одного из братьев Полонского.

⁷ Имеется в виду *Мария Федоровна Штакеншнейдер* (1811–1892), жена придворного архитектора, профессора Академии художеств А. И. Штакеншнейдера, хозяйка литературного салона, где часто бывал Полонский и многие другие писатели в 1850-е — 1860-е гг. Как отмечает И. Н. Розанов, из семейства Штакеншнейдеров Полонский изначально более всего «сблизился с маменькой». Для Е. А. Штакеншнейдер он был первоначально «мамин поэт» (см.: *Розанов И. Н. Елена Андреевна Штакеншнейдер и ее дневник // Штакеншнейдер.* С. 22).

⁸ *Монсуммано* — итальянский бальнеологический курорт, расположенный в Тоскане у подножия Апеннин, в долине реки Ньеволе, где была в 1849 г. открыта сталактитоватая пещера с двумя теплыми солеными прудами, куда приезжали лечиться от подагры, ишиаса, ревматизма и других заболеваний. Тургенев сам настоятельно советовал Полонскому поехать в Монсуммано для лечения «анкилозиса колена» и даже выделил на поездку сумму в 350 р. сер. (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 12. С. 121–122). Полонский выехал в Италию в конце мая 1873 г.

⁹ Изначально Тургенев намеревался быть в России зимой 1873/1874 г., однако в письме от 28 ноября (10 декабря) 1873 г., на которое отвечает Полонский, сообщал, что откладывает поездку на март (Там же. С. 249). На самом деле, как и советовал ему Полонский, Тургенев приехал в Петербург только в начале мая 1874 г.

¹⁰ 24 главы поэмы Полонского «Келиот», освещавшей эпизод борьбы греческих повстанцев против Турции, были напечатаны в журнале «Дело» (№ 10) за 1874 г.; окончание — под названием «Старая борьба» — в августовском номере «Русского вестника» за 1877 г. «Келиот» был задуман в то время, когда Полонский особо тяжело переживал неудачу предыдущей своей поэмы — «Мими», поэтому в письмах к Тургеневу он неоднократно высказывал тревожившее его сомнение в том, удастся ли ему на этот раз создать художественно завершенное произведение. О начале работы над поэмой Полонский сообщал в предыдущем письме, условно датированном временем около 24 ноября (6 декабря). «Пишу „Келиота“, — сообщал он. — Келиот значит афонский монах, живущий в особенной келье. Действие происходит на одном из греческих островков Архипелага. Написал уже 22 главы, остается еще глав 9, по крайней мере» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 247).

¹¹ Речь идет о маршале Франции *Франсуа-Анриле Базене* (Bazaine; 1811–1888), изменнически сдавшем пруссакам во время франко-прусской войны французскую крепость Мец и открывшем им путь на Париж. В 1872 г., под давлением общественного мнения, он был приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена 20-летним тюремным заключением, однако в 1874 г. Базен бежал из-под стражи в Испанию. Полонский откликается на следующее место из письма Тургенева: «Вчера вечером здесь присудили Базена к смерти... видно, однако, есть Немезида! <...> Базен погубил Францию — еще бы ему не заплатить жизнью!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 12. С. 249).

¹² Имеется в виду *Луи-Натаниель Россель* (Rossel; 1844–1871), французский военный и политический деятель. Участвовал во франко-прусской войне; прибыв в Париж после революции 18 марта 1871 г., встал на сторону Парижской коммуны — командовал легионом Национальной гвардии; затем исполнял обязанности начальника главного штаба военного министерства, председателя военного трибунала, военного делегата Коммуны. 8 июня арестован полицией, приговорен версальским судом к смертной казни и расстрелян.

¹³ К письму приложен отгиск стихотворения; однако, возможно, он на самом деле был вложен в одно из последующих писем, поскольку данное стихотворение датируется 1877 г. и впервые, как указывает Б. М. Эйхенбаум, было опубликовано в «Пчеле» (1877. № 3. 16 января. С. 34). См.: *Полонский. БП 1935*. С. 736. Отдельный отгиск стихотворения в этом издании не учтен.

11 (23) декабря 1873 года. Петербург

С.-Петербург<ург>.
Обухов<ский> проспект,
дом Шольца, кв. № 6.

На днях я послал тебе письмо и вот опять пишу.¹

Мне приказали писать к тебе — и я пишу.

Слушай. У нас в Самарской губернии сотни, а может быть и тысячи умирают с голоду. Весна будет еще ужаснее, если все русское общество не поспешит на помощь.

В литературных кружках родилась мысль — и в несколько дней созрела.

Мысль эта составить богатый *сборник* из даровых приношений.

На эту мысль откликнулись все литераторы всех партий и всех оттенков, забывая всякие споры, распри и перебранки. — Откликнулись художники, живописцы, граверы, резчики на дереве, типографщики и даже продавцы бумаги. —

Сборник под заглавием «Кружка» разом будет печататься в нескольких типографиях — в колич<естве>: 25 000 экземпляров.²

Из 22 литературных имен,³ попавших в список, уже 15 согласились на приношение — в том числе Салтыков, Некрасов и даже Гончаров⁴ — давно уже обломствующий.

Имя твое, одно имя было бы для этого сборника — благодарием, ибо для публики ты еще так вкусен, что она готова всегда и везде пожирать тебя без всякого к тебе милосердия.

Было бы нелепо просить от тебя повесть? — Нет, мы *всего* просим у тебя пяти-шести страничек, даже меньше. В старых бумагах своих отыщи что-нибудь и вылепи какую-нибудь штучку. — Вроде воспоминания — признанья, ряда афоризмов — взгляда на то или другое событие, на современную критику — что-нибудь о Франции, о какой-нибудь картине или статуе или о музыке — или просто «*нечто*», нечто такое, что бы не стоило тебе ничего, т. е. никаких особенных усилий. —

Если ты согласен на такую *жертву* — то, по получение этого письма, дай знать по телеграфу Виктору Павловичу *Гаевскому* на *Литейную* — в *доме Пелля*.⁵ Квартиру^a Гаевского мы избрали местом для совещания как нейтральную почву.

^a Было: Дом

Ответ потому нужен скорый, что дело кипит⁶ — а пока не будет от тебя ответа, до тех пор нельзя будет напечатать твое имя в объявлении — и тотчас же во всех редакциях *открыть подписку*.

Ты, конечно, вправе отказаться, только многим из нас будет чувствительно твое отсутствие. Если же ты пришлешь согласие — то к концу нашего января будущего 1874 года — что-нибудь напиши и пришли хоть на мое имя. —

«Кружка» должна выйти к марту.⁷ Разумеется, чем скорее ты что-нибудь дашь — тем лучше.

Не брани меня за это письмо. Я знаю, что так или иначе, а все-таки оно тебя немного всполошит — моя просьба посягает на твое время. Быть может, ты пишешь что-нибудь серьезное и вдруг тебя отрывают для пустяка. Но — вспомни, что сотни, а может быть и тысячи русских буквально погибают с голоду!

Обнимаю тебя. — От всей души целую и остаюсь

твой друг Я. Полонский.

1873.

11 декабря ст. ст.

Печатается по подлиннику: *BN. NAF. 16275. F. 423–424.*

¹ Возможно, имеется в виду письмо 4 или другое (несохранившееся) письмо.

² «Кружка» — первоначальное название сборника «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии», изданного в 1874 г. под редакцией Н. А. Некрасова и А. П. Ефремова.

³ Помимо Тургенева и Полонского, в сборнике участвовали А. Н. Апухтин, П. Д. Боборыкин, В. П. Буренин, П. И. Вейнберг, И. Ф. Горбунов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Н. С. Кохановская, В. С. и Н. С. Курочкины, А. Н. Майков, М. А. Маркович (Марко Вовчок), Д. Д. Минаев, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. П. Погодин, М. Е. Салтыков, К. К. Случевский, Н. Н. Страхов и многие другие писатели и публицисты.

⁴ М. Е. Салтыков поместил в «Складчине» «Город» (С. 129–138); Некрасов — «Три элегии» (С. 522–524), Гончаров — «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» (С. 525–560).

⁵ Имеется в виду *Пелль Александр Христофорович* (род. 1809), архитектор и домовладелец, член правления Общества петербургских водопроводов.

⁶ Тургенев получил письмо Полонского 15 (27) декабря 1873 г. в Париже и в тот же день послал В. П. Гаевскому телеграмму (не сохр.), выразив свое согласие участвовать в сборнике «Кружка», о чем сообщил Полонскому 18 (30) декабря, отметив, что не имеет ничего готового. Однако далее добавил: «Есть у меня один недо-

конченный отрывок из „Записок охотника“ — разве это послать? Очень он короток и едва ли не плоховат — но идет к делу, ибо в нем выводится пример русского долготерпения» (*ПССУП(2). Письма*. Т. 12. С. 255–256). Речь шла о рассказе «Живые мощи», который Тургенев действительно выслал Полонскому 25 января (6 февраля) 1874 г. вместе с письмом, впоследствии опубликованным в качестве предисловия к рассказу. По всей видимости, ко времени написания публикуемого письма рассказ был уже написан, по крайней мере вчерне.

⁷ Сборник «Складчина» вышел 28 марта 1874 г.